

ФУКИДИД

ИСТОРИЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Фукидид
История

«Издательство АСТ»

около 404 гг. до н. э.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

Фукидид

История / Фукидид — «Издательство АСТ», около 404 гг. до н. э. — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-150775-6

Фукидид (ок. 450 — ок. 400 гг. до н. э.) — крупнейший древнегреческий историк и полководец, современник, очевидец и участник Пелопоннесской войны. «История» Фукидида — одно из наиболее значимых самых ранних древнегреческих произведений — посвящена Пелопоннесской войне (431—404 гг. до н. э.) между Афинами и Спартой. Эта война, которую в современных реалиях назвали бы гражданской, охватила в V веке до н. э. всю античную Элладу и практически положила конец расцвету классического мира Древней Греции. Фукидид одним из первых применил строгий стандарт хронологии, записывая события войны по годам, приступив «к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех, бывших дотоле». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-17-150775-6

© Фукидид, около 404 гг. до н. э.
© Издательство АСТ, около 404 гг. до
н. э.

Содержание

Книга первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Фукидид История

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с греческого Г. Стратановского
Серийное оформление А. Фереца, Е. Фerez
Компьютерный дизайн В. Воронина

© Перевод. Г. Стратановский, наследники, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Книга первая

1. Фукидид-афинянин¹ описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и кроме того, он видел, что и остальные эллинские города² либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. (2) И в самом деле, война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества. (3) И хотя то, что предшествовало войне, а тем более что происходило еще раньше³, установить точно не было возможности в силу отдаленности от нашего времени, но все же на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств⁴ я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и в остальном.

2. Очевидно, что страна, называемая ныне Элладой¹, лишь с недавнего времени приобрела оседлое население; в древности же там происходили передвижения племен и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев. (2) Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было, да и всякого межплеменного общения на море и на суше. И земли свои возделывали настолько лишь, чтобы прокормиться. Они не имели лишних достатков² и не делали древесных насаждений (ведь нельзя было предвидеть, не нападет ли враг и не отнимет ли все добро, тем более что поселения не были укреплены). Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду, люди с легкостью покидали насиженные места. Поэтому-то у них не было больших городов и значительного благосостояния. (3) Чаще всего такие передвижения населения происходили в наиболее плодородных частях страны, а именно – в так называемой ныне Фессалии и Беотии³, а также в большей части Пелопоннеса (кроме Аркадии) и в остальных плодородных областях. (4) Ведь как раз там, где плодородие почвы приводило к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры, отчего эти поселения теряли способность обороняться и вместе с тем чаще привлекали к себе алчность чужеземцев. (5) В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц⁴, и в этой стране всегда жило одно и то же население. (6) И вот одно из важнейших проявлений того, что в других областях Эллады из-за переселений число жителей возрастало неодинаково по сравнению с Аттикой: самые могущественные изгнанники из всей Эллады стекались в Афины, где они чувствовали себя в безопасности. Получая права гражданства, эти пришельцы настолько увеличили уже с древних времен население города, что афиняне впоследствии высылали поселения даже в Ионию, поскольку сама Аттика была недостаточно обширна, чтобы вместить такое множество народа.

3. На скудость материальных средств в древности особенно ясно указывает еще и следующее. Действительно, до Троянской войны Эллада, по-видимому, не совершила сообща ничего значительного. (2) Как я полагаю, вся страна тогда еще и не носила этого имени¹, а до Эллина, сына Девкалиона, его и вовсе даже не существовало, но отдельные народности (как пеласты, так и другие)² давали ей свое имя. После же того, как Эллин с сыновьями захватил власть во Фтиотиде, а другие города начали призывать их на помощь, отдельные племена одно за другим уже в силу близкого общения друг с другом мало-помалу стали называться эллинами, но во всеобщее употребление это название вошло лишь недавно. (3) Наилучшее доказательство

этому дает Гомер. Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны³, нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды – они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именуется данайцами, аргивянами или ахейцами; не употребляет он и слова «варвары» – очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем. (4) Как бы то ни было, отдельные племена, принявшие имя эллинов и говорившие на общепонятном для всех языке, до Троянской войны вследствие слабости и отсутствия взаимных связей ничего не совершили сообща. Да и в этом походе они смогли выступить совместно лишь после того, как приобрели больше опыта в мореходном деле.

4. Как нам известно из предания, Минос¹ первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев², поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах.

5. Ведь уже с древнего времени, когда морская торговля стала более оживленной, и эллины, и варвары на побережье и на островах обратились к морскому разбою. Возглавляли такие предприятия не лишены средств люди, искавшие и собственной выгоды, и пропитания неимущих. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим большую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но напротив, даже славным делом. (2) На это указывают обычаи некоторых материковых жителей (у них еще и поныне ловкость в таком занятии слывет почетной), а также древние поэты, у которых приезжим мореходам повсюду задают один и тот же вопрос¹ – не разбойники ли они, – так как и те, кого спрашивают, не должны считать позорным это занятие, и у тех, кто спрашивает, оно не вызывает порицания. (3) Они грабили друг друга также и на суше. И поныне во многих областях Эллады живут люди, у которых существует еще этот старинный образ жизни, как, например, у озольских локров, в Этолии, Акарнании и других областях материка. Обычай носить оружие сохранился в домашнем обиходе этих материковых жителей со времен древнего занятия разбоем.

6. В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были не укреплены, да и пути сообщения небезопасны, и поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам. (2) Те области Эллады, где такой быт еще сохранился, служат явным доказательством тому, что подобный жизненный уклад некогда существовал и во всей Элладе. (3) Афиняне прежде всех перестали носить оружие в мирное время и в условиях спокойствия перешли к более пышному образу жизни. Только недавно пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности, как ношение льняных хитонов и сложной прически¹, закалываемой золотыми булавками в форме цикад. Поэтому и у ионян, связанных с афинянами племенным родством, эта манера одеваться также еще долго сохранялась². (4) Лакедемоняне первыми стали носить простую одежду нынешнего времени, и у них люди более состоятельные вели большей частью образ жизни, одинаковый с простым народом. (5) Они впервые также ввели в обычай открыто обнажаться и натирать тело маслом, делая телесные упражнения. В древности даже на Олимпийских состязаниях³ борцы выступали в набедренных повязках, и этот обычай носить пояса был оставлен лишь несколько лет назад. У некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бое и борьбе участники также выступают в поясах. (6) Можно указать много и других обычаев Древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров.

7. Города, основанные в последнее время¹, когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и

занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города² как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее прибрежное население), поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны.

8. Но разбойниками были островитяне – карийцы и финикияне¹, поселения которых находились на большинстве островов. Вот доказательство этого. Когда афиняне в эту войну произвели очищение² Делоса и все гробницы были увезены с острова, то свыше половины покойников оказались карийцами: их опознали по оружию, погребенному вместе с ними, и по способу захоронения, существующему у них и поныне. (2) После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников³, заселил большую часть находившихся под их властью островов. (3) И некоторые приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле (как это и естественно у людей, которые стали жить богаче), окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. (4) Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Трою они выступили лишь спустя много времени.

9. Агамемнон¹, полагаю я, вовсе не потому стал во главе похода, что женихи Елены, которых он вел с собой, были связаны клятвой, данной Тиндарею, а оттого, что он был могущественнее всех своих современников. (2) По рассказам людей, получивших от предков самые достоверные предания об исторических событиях в Пелопоннесе, Пелопс² первым добыл себе власть ценою больших сокровищ, с которыми он прибыл из Азии к людям бедным. Он добился того (хотя и был пришельцем), что страну назвали его именем, и потомки его впоследствии достигли еще большего могущества. Еврисфей³ был убит в Аттике Гераклидами⁴, после того как доверил Микены и царскую власть Атрею, брату своей матери (бежавшему раньше от своего отца вследствие убийства Хрисиппа). Когда Еврисфей не вернулся из похода, Атрей получил царскую власть над микенцами, которые из страха перед Гераклидами добровольно согласились на это, ибо Атрей, будучи человеком могущественным, расположил к себе и микенский народ, и всех других подвластных Еврисфею. Так-то Пелопиды⁵ стали могущественнее потомков Персея⁶. (3) Все это могущество Агамемнон, очевидно, унаследовал и, кроме того, превосходил остальных своим флотом, и потому, выступая в поход, он повел за собой войско не столько из-за приязни к нему других вождей, а скорее оттого, что внушал им страх. Он и сам прибыл со множеством кораблей, да еще, по словам Гомера (если только его можно считать достоверным свидетелем)⁷, предоставил корабли и аркадцам. (4) И в рассказе о вручении по наследству скипетра Гомер говорит, что Агамемнон властвовал над тьмой островов и над Аргосом, царством пространном⁸.

Конечно, живя на материке, Агамемнон не мог бы владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло быть много), если бы он не обладал значительным флотом. Итак, Троянский поход позволяет судить о том, каково было общее состояние Эллады к тому времени.

10. Впрочем, будь Микены даже совсем небольшими (равно как любой существовавший тогда город теперь, на наш взгляд, является незначительным)¹, это еще не представляет убедительный довод для того, чтобы считать Троянский поход не столь уж великим, каким его изображают поэты и как гласит молва. (2) Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответство-

вало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне – владыки двух пятых частей Пелопоннеса² и стоят во главе всего полуострова³ да еще и множества союзников в остальной Элладе. Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле. Напротив, если бы афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое большим в сравнении с действительностью. (3) Поэтому и в данном случае не следует относиться к преданию с недоверием и обращать внимание более на внешний вид городов⁴, чем на их действительное значение. Троянский же поход следует признать самым важным из всех происходивших ранее, но уступающим теперешним походам, если опять-таки верить поэмам Гомера, хотя Гомер как поэт, вероятно, приукрасил и преувеличил это событие, но все же поход представляется довольно незначительным. (4) Действительно, поэт называет 1200 кораблей; на кораблях беотийцев, он говорит, было по 120 человек матросов, а на кораблях Филоктета – по 50⁵. Поэт, видимо, выбирает самые большие и самые маленькие корабли. О величине других, во всяком случае в «Списке кораблей»⁶, Гомер не упоминает. На то, что все люди на кораблях были и воинами, и гребцами, поэт ясно указывает при описании кораблей Филоктета. Действительно, всех гребцов он называет лучниками. Невероятно также, чтобы на кораблях были, кроме гребцов, какие-либо лишние люди, исключая царей и знатнейших вождей, тем более что воинам приходилось переплывать море с военным снаряжением. К тому же у кораблей не было верхней палубы, и строились они по стародавнему обычаю, скорее, на манер разбойничьих судов. (5) Во всяком случае (если взять среднее число людей на самых больших и самых малых кораблях), очевидно, в поход отправилось не так уж много ахейцев, особенно если иметь в виду, что они были посланы совместно всей Элладой.

11. Причиной этого был не столько недостаток в людях, сколько скудость денежных средств. Ведь из-за трудности снабжения ахейцы выступили в поход с меньшими силами, а именно – с такими, какие они надеялись прокормить войной из местных средств. Когда же по прибытии ахейцы одержали победу в сражении¹ (это ясно: ведь иначе они не смогли бы построить стену около стана), то даже и тогда они, очевидно, не использовали для войны все свое войско, но трудности добывать пищу заставили их заняться обработкой земли на Херсонесе² и грабежом³. По этой именно причине, вследствие раздробленности боевых сил ахейцев, троянцы легко оказывали им сопротивление в открытом поле в течение десяти лет и всегда были в состоянии помериться силами с остающимся на месте врагом. (2) Напротив, если бы ахейцы прибыли с большим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа вели бы войну упорно и всеми силами, то легко взяли бы Трою; даже действуя не все вместе, а каждый раз лишь частью сил, имеющихся в наличии, они бы успешно сопротивлялись; начав осаду, они взяли бы Трою гораздо скорее и без больших усилий. (3) Так что не только прежние походы были по скудости средств незначительными, но и этот, знаменитейший из всех них – Троянский, на деле представляется не столь замечательным, как это теперь утверждает предание, сохраненное поэтами.

12. Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. (2) Ведь запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города¹. Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона² вытесненные фессалийцами³ из Арны, поселились в современной Беотии, прежде называвшейся Кадмейской землей⁴ (часть их, конечно, уже раньше жила в этой стране, и к ним принадлежали беотийцы, отправивши-

еся под Илион), а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес⁵. (3) Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны. Так, афиняне заселили Ионию и множество островов⁶, Италию⁷ же и Сицилию – большей частью пелопоннесцы, так же как и некоторые области в остальной Элладе⁸. Все эти поселения были основаны уже после Троянской войны.

13. Между тем Эллада становилась могущественнее и все более богатела; большинство городов, доходы которых также росли, подпало под власть тиранов¹, тогда как прежде у них была наследственная царская власть² с определенными почетными правами и преимуществами. Эллины начали строить корабли и обратились к мореходству. (2) По преданию, коринфяне первыми приступили к строительству кораблей способом, уже весьма похожим на современный, и в Коринфе были построены первые в Элладе триеры³. (3) Коринфский кораблестроитель Аминокл, который прибыл к самосцам приблизительно лет за 300 до окончания этой войны, построил и им четыре корабля. (4) Древнейшая морская битва, как нам известно, произошла у коринфян с керкирянами⁴ (а от этой битвы до того же времени⁵ прошло около 260 лет). (5) Коринфяне ведь уже с давних пор жили в городе на Истме и владели там торговым портом⁶. Так как в древности у эллинов (живших как в самом Пелопоннесе, так и за его пределами) торговля шла через город коринфян больше по суше, чем по морю, то Коринф весьма разбогател, как об этом сообщают древние поэты: это они прозвали Коринф богатым⁷. С оживлением судоходства и торговли коринфяне на своих кораблях взялись за уничтожение морского разбоя. После того как был устроен торговый порт, город коринфян стал еще богаче от притока доходов с суши и с моря. (6) У ионян⁸ же флот появился гораздо позднее, уже при Кире, первом персидском царе, и его сыне Камбисе. С этим флотом ионяне во время войны с Киром некоторое время удерживали господство на море у своих берегов. И Поликрат⁹, тиран Самоса, при Камбисе также владел сильным флотом. Он подчинил себе, кроме других островов, также и Рению, которую посвятил Аполлону Делосскому. Наконец, и фокейцы, основавшие Массалию¹⁰, побеждали карфагенян в морских битвах¹¹.

14. Таковы были наиболее могущественные морские державы. По-видимому, у них (хотя тогда уже сменилось много поколений после Троянской войны) было мало триер, но они снаряжали еще пентеконторы и длинные военные корабли¹, подобные кораблям троянских времен. (2) Лишь незадолго до мидийских войн и кончины Дария (который стал царем персов после Камбиса) у сицилийских тиранов и у керкирян появилось уже много триер. Ведь это были самые значительные морские державы эллинов в последнее время перед походом Ксеркса. (3) Действительно, у эгинцев и афинян (и, возможно, у некоторых других городов) тогда были лишь небольшие корабли, в большинстве – пентеконторы. Только позднее, во время войны с эгинцами, когда уже ожидали нападения Варвара, Фемистокл убедил афинян² построить знаменитый флот, с которым они и дали бой варварам. Впрочем, и эти корабли еще не имели сплошной палубы³.

15. Столь незначительны были морские силы эллинов как в древнее время, так и впоследствии. Все же те города¹, которые ревностно занялись мореходством, достигли большого могущества, добывая себе богатства и распространяя свое господство на другие города. Так, на своих кораблях они нападали на острова² и подчиняли их себе, особенно те, у кого своей земли было недостаточно. (2) Но на суше никогда не доходило до такой войны, которая привела бы к возникновению крупной военной силы. Ведь все войны, какие случались, велись только между соседями, и дальних завоевательных походов за пределы своей земли эллины не совершали. У

могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали добровольно участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. (3) Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами³ остальные эллинские государства примкнули к той или другой из воюющих сторон.

16. Между тем у разных городов возникли различные препятствия для их дальнейшего роста. С усилением могущества ионян¹ на них во главе Персидской державы пошел войной Кир. Сокрушив царство Креза, он завоевал все земли по сю сторону реки Галис до моря и лишил свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова².

17. Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах: их политика сводилась, в сущности, к заботам о собственной особе, своем доме и к укреплению его положения; они не совершили ничего значительного¹, и каждый только воевал со своими соседями. Только в Сицилии тираны достигли большого могущества². (2) Так-то развитию Эллады долгое время мешали различные препятствия. Поэтому она не могла сообща совершить ничего великого, а отдельные города были слишком малопредприимчивы.

18. Афинские тираны, да и большинство их в остальной Элладе (которая уже ранее долго находилась под властью тиранов), были в конце концов, за исключением сицилийских тиранов, изгнаны лакедемонянами¹. Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам известно, страдал от междоусобных распрей². Однако уже издревле город управлялся хорошими законами³ и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества⁴, они и в других городах устанавливали такой же порядок. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. (2) А на десятый год⁵ после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне как самые могущественные стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба этих города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой – на море. (3) Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом, и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками⁶ (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изощряясь в опасностях.

19. Стоя во главе союзников, лакедемоняне не заставляли их платить подати, но заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления¹. Афиняне же со временем заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать. Поэтому-то их боевая мощь перед этой войной возросла даже больше, нежели в ту пору, когда союз еще находился в расцвете.

20. Итак, вот к чему я пришел, исследуя древнее состояние Эллады, хотя и трудно было доверять полностью любому свидетельству. Ведь люди склонны принимать¹ на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины. (2) Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристокитон убили Гиппарха (который

был тираном), и не знают, что правил Гиппий, так как он был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фессал были его братьями². Но Гармодий и Аристокитон именно в тот день непосредственно перед деянием заподозрили, что соучастники их донесли о замысле Гиппию, и отказались от убийства, предполагая, что Гиппий был заранее предупрежден. Но так как они хотели, прежде чем их схватят, сперва совершить нечто достопамятное, то убили Гиппарха, встретив его у так называемого Леокория³, где он распорядился панафинейским шествием⁴. (3) Да и прочие эллины о многих других установлениях и обычаях, существующих еще и поныне, память о которых не изглажена временем, также имеют неправильные представления. Так, например, думают, что лакедемонские цари при голосовании имеют не один, а два голоса каждый и что у лакедемонян был питанатский отряд⁵, которого вообще никогда не существовало. Ибо большинство людей не затрудняют себя разысканием истины и склонны усваивать готовые взгляды.

21. Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы¹ (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны. (2) Нынешняя же война (хотя люди обычно, только пока воюют, придают текущей войне самое важное значение, а по ее окончании склонны удивляться больше войнам прежнего времени) докажет людям, которые судят по самим фактам, что она была событием более важным, чем прежние войны.

22. Что до речей (как произнесенных перед войной, так и во время нее), то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно – ни тех, которые мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории. (2) Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного¹ и не по личному усмотрению², но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью. (3) Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти. (4) Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей.

23. Из прежних событий до Пелопоннесской войны самым важным была мидийская война¹, однако и она быстро решилась двумя битвами на море и двумя на суше². Напротив, нынешняя война длилась очень долго, и в ходе ее сама Эллада испытала такие бедствия, каких никогда не знала ранее за такое же время. (2) Никогда не было захвачено и разрушено столько городов – будь то варварами или воюющими сторонами (иным после завоевания пришлось даже испытать еще и смену населения); никогда еще не было столько изгнаний и кровопролития (как в ходе военных действий, так и вследствие внутренних распрей). (3) То, что раньше было известно только по преданию, а в действительности не всегда подтверждалось, теперь оказывалось обычным делом: страшные землетрясения одновременно распространились на

большую часть страны, затмения солнца³ стали происходить чаще, затем возникла засуха (в некоторых областях даже голод)⁴, и наконец, разразилась ужасная моровая болезнь, погубившая значительную часть населения Афин. И все эти бедствия обрушились на Элладу вместе с нынешней войной. (4) Начали же войну афиняне и пелопоннесцы, нарушив 30-летний мир³, который заключили после завоевания Евбеи. (5) Прежде всего скажу о причинах разрыва мирного договора и взаимных жалоб сторон, чтобы никому не пришлось доискиваться, отчего разразилась в Элладе столь великая война. (6) Истинным поводом к войне⁶ (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать. Причины же⁷, на которые обе стороны открыто ссылались (из-за чего они, по их словам, нарушили мир, открыв военные действия), были следующие.

24. Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн¹. В соседней области живут тавлантии – варвары иллирийского племени². (2) Город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов³, коринфянин, которого по старинному обычаю призвали из метрополии. В основании колонии приняли участие также некоторые коринфяне и другие дорийцы. (3) С течением времени Эпидамн стал большим городом с многочисленным населением. (4) Однако после многих лет междоусобных распрей город, гласит предание, понес тяжкий урон в какой-то войне с соседями-варварами и поэтому в значительной степени потерял свое былое могущество. (5) Незадолго до этой войны народ изгнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на суше и на море. (6) Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство в Керкиру как в свою метрополию с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами. (7) Об этом послы и просили, воссев как молящие о защите в святилище Геры⁴ в Керкире. Керкиряне же не вняли просьбе послов, и те были вынуждены уехать, ничего не добившись.

25. Поняв, что им нечего ждать помощи от Керкиры, и не находя выхода из настоящего затруднения, эпидамняне отправили послов в Дельфы спросить бога, не следует ли им отдать свой город под покровительство Коринфа как их второй метрополии и постараться получить оттуда помощь. Бог в ответ повелел отдать город под покровительство коринфян и признать их верховенство. (2) Тогда эпидамняне прибыли в Коринф и по велению оракула отдали свою колонию под покровительство коринфян, ссылаясь на то, что основатель их города происходил из Коринфа. Затем они сообщили изречение оракула и просили не оставить их в беде и оказать помощь. (3) Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам¹. Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими. (4) И действительно, керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаем почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях². И вообще выказывали коринфянам свое пренебрежение, так как в то время Керкира по богатству стояла наравне с богатейшими эллинскими городами, да и к войне была подготовлена лучше³ других. Керкиряне гордились своим весьма сильным флотом и тем, что когда-то прежде на Керкире обитали славные мореходы феаки⁴ (по этой-то причине керкиряне придавали особое значение флоту и действительно были достаточно могущественны: в начале войны у них было 120 триер).

26. Итак, имея все основания упрекать керкирян, коринфяне охотно направили в Эпидамн просимую помощь: они предоставили право всем желающим отправиться туда колонистами и послали гарнизон из ампракиотов, левкадян и собственных граждан. (2) Выступили

они по суше в Аполлонию¹ (одну из колоний коринфян) из опасения, как бы керкиряне не помешали им переправиться морем. (3) Весть о прибытии в Эпидамн поселенцев и гарнизона, а также о том, что колония отдалась под покровительство коринфян, вызвала на Керкире сильное раздражение. Керкиряне тотчас же отправили в Эпидамн² 25 кораблей и вскоре затем вторую эскадру и, угрожая, потребовали вернуть изгнанников и отослать назад коринфский гарнизон и поселенцев (на Керкиру между тем прибыли изгнанники-аристократы из Эпидамна: ссылаясь на могилы предков и на родственные связи, они молили керкирян вернуть их на родину). (4) Однако эпидамняне все-таки не подчинились; тогда керкиряне в союзе с иллирийцами выступили на 40 кораблях в поход на Эпидамн, везя с собой изгнанников, чтобы вернуть их силой. (5) Расположившись станом перед городом, керкиряне объявили через глашатая: «Всякий эпидамнянин или чужеземец может по желанию беспрепятственно покинуть город; в противном случае с ними поступят как с врагами». После того как эпидамняне не подчинились приказу, керкиряне начали осаду города, расположенного на перешейке.

27. Лишь только коринфяне от прибывших к ним вестников из Эпидамна узнали об осаде, они стали готовиться к походу¹; вместе с тем они пригласили всех желающих на основе справедливости и равноправия участвовать в основании колонии в Эпидамне. Если же кто из желающих отправиться еще не готов к отъезду, то может остаться, внося в казну 50 коринфских драхм². Нашлось много как пожелавших ехать, так и внесших деньги. (2) Затем коринфяне обратились к мегарцам с просьбой послать корабли для сопровождения на случай возможных помех со стороны керкирян. Мегарцы снарядили 8 кораблей, чтобы плыть вместе с коринфянами, жители Палы из Кефаллении – 4. (3) Эпидавр, к которому они также обратились с просьбой, прислал 5 кораблей, гермионяне – 1, Трезен – 2, Левкада – 10, Ампракия – 9; у Фив же и Флиунта коринфяне просили денег, а у Элеи – кораблей без экипажей³ и денег. Сам Коринф снарядил 30 кораблей с 3000 гоплитов.

28. Когда керкиряне узнали об этих приготовлениях, то прибыли в Коринф вместе с послами¹ лакедемонян и сикионян (которых они взяли с собой) и потребовали от коринфян отозвать гарнизон и колонистов из Эпидамна, ибо у них нет права на Эпидамн. (2) Если же коринфяне выставляют какие-либо притязания на этот город, то они, керкиряне, желали бы передать спор на суд тех городов в Пелопоннесе, с которыми обе стороны договорятся, и какой из сторон колония будет присуждена, та и должна владеть ею. Они согласны также предоставить решение дела дельфийскому оракулу. (3) Войну они не хотят начинать. Если же коринфяне прибегнут к силе, заявили керкиряне, то они также будут вынуждены искать себе иных друзей, хотя бы и нежелательных, вместо тех, что у них есть теперь. (4) Коринфяне же отвечали им: если керкиряне уведут свои корабли и варваров² от Эпидамна, тогда они и будут обсуждать этот спор с ними. Но пока Эпидамн в осаде, им, коринфянам, не пристало здесь заводить тяжбы с керкирянами. (5) Керкиряне возражали на это: если коринфяне уведут свои военные силы из Эпидамна, то они готовы сделать то же. Они согласны также на то, чтобы, оставаясь на прежних местах, заключить перемирие до решения дела в третьей суде.

29. Однако коринфяне не желали и слышать о подобных предложениях. Лишь только команда была посажена на корабли и союзники прибыли, они выслали вперед глашатая объявить войну керкирянам. Затем, подняв якоря, они на 75 кораблях с 2000 гоплитов¹ отплыли к Эпидамну, чтобы оружием решить спор с керкирянами. (2) Командовали коринфской эскадрой Аристей, сын Пеллиха, Калликрат, сын Каллия, и Тиманор, сын Тиманфа, а во главе сухопутных войск стояли Архетим, сын Евритима, и Исархид, сын Исарха. (3) Когда коринфская эскадра подошла к Актию² в Анакторийской области, у входа в Ампракийский залив, где находится известное святилище Аполлона, керкиряне выслали навстречу глашатая в лодке с приказанием остановиться. Одновременно керкиряне начали сажать команду на свои корабли, отре-

монтировали старые суда, сделав их годными для плавания, и оснастили остальные. (4) Когда глашатай передал, что их мирные предложения отвергнуты, керкиряне посадили команду на свои корабли (числом 80, потому что 40 кораблей осаждали Эпидамн) и в боевом порядке повернули на врага и вступили в сражение. Они одержали решительную победу, уничтожив 15 коринфских кораблей. (5) В тот же самый день, по совпадению, керкирянам, осаждавшим Эпидамн, удалось принудить город к сдаче под условием, что чужеземцы⁵ будут проданы в рабство, а коринфяне в оковах будут ждать окончательного решения своей участи.

30. После этой морской битвы керкиряне воздвигли трофей на мысе Левкимме¹ (что на Керкире), а потом казнили всех остальных пленников², попавших им в руки, кроме коринфян; коринфян же заключили в оковы. (2) Позднее, после того как коринфяне и их союзники на кораблях возвратились на родину, керкиряне захватили господство над всеми водами в окрестных областях. Затем они отплыли к коринфской колонии Левкаде, разорили ее и предали огню Киллену³, торговую гавань элейцев, за то, что те предоставили коринфянам корабли и денежные средства. (3) Таким образом, еще очень долго после морской битвы керкиряне господствовали на море и наносили морскими набегами урон союзникам коринфян. Ввиду тяжелого положения своих союзников коринфяне в начале следующего лета отправили эскадру и войско для охраны Левкады и прочих дружественных им городов и расположились лагерем у Актия и возле Химерия в Феспротии. (4) Керкиряне также устроили стоянку своих кораблей и сухопутных войск напротив у Левкиммы. Однако ни одна из сторон не решалась напасть, и обе эскадры простояли оставшуюся часть лета друг против друга, а с наступлением зимы возвратились домой.

31. Целый год, равно как и следующий после морской битвы, коринфяне, раздраженные неудачей, усердно готовились к войне с керкирянами. Они строили корабли и набирали за плату матросов из самого Пелопоннеса и из остальной Эллады, всеми силами стремясь подготовиться к морскому походу. (2) Узнав об этих приготовлениях, керкиряне пришли в смятение; ведь они не состояли в союзе ни с одним из эллинских городов и не заключили союзного договора ни с афинянами¹, ни с лакедемонянами. Поэтому они решили отправиться к афинянам, чтобы вступить с ними в союз и попытаться получить от них помощь. (3) Когда это решение стало известно коринфянам, они также отправили посольство в Афины, опасаясь, что объединение морских сил афинян и керкирян не позволит закончить войну на желательных для коринфян условиях. (4) На созванном по этому поводу чрезвычайном народном собрании в Афинах обе стороны выступили с речами. Керкиряне сказали следующее.

32. «Справедливо, афиняне, чтобы тот, кто просит помощи у другого, как мы теперь у вас (если он не вправе рассчитывать на вознаграждение за прошлые великие благодеяния или на союзные взаимоотношения), доказал, что удовлетворение его просьбы соответствует интересам тех, к кому он обращается, или, по крайней мере, не противоречит им и что эта помощь будет встречена с неизменной благодарностью. Если же проситель не сумеет в этом убедить, то не должен гневаться, если уйдет ни с чем. (2) Ныне керкиряне послали нас просить о союзе, полагая, что смогут при нашем посредстве представить вам надежные гарантии того, что мы не останемся в долгу перед вами. (3) К сожалению, наша прежняя политика нейтралитета по отношению к вам оказалась одинаково неблагоприятной для вашей готовности помочь нам и опасной для нас при настоящем положении вещей. (4) Прежде мы добровольно никогда еще ни с кем не вступали в союз, а теперь сами пришли просить вас об этом, не имея союзников в предстоящей войне с коринфянами. И таким образом то, что прежде мы считали благоразумной сдержанностью, – а именно, не вступать в войну по воле других, состоя в союзе с чужим государством, – теперь обернулось безрассудством и стало источником нашей слабости. (5) Правда, в последней морской битве мы одни своими силами разбили коринфян. Однако теперь, когда они собираются напасть на нас с гораздо более мощными силами, получив помощь из

Пелопоннеса и из остальной Эллады, мы видим, что уже не можем одолеть врага один на один, а вместе с тем в случае поражения нам грозит опасность оказаться под их господством. Поэтому мы вынуждены обратиться за помощью к вам и к любому другому городу. Мы заслуживаем снисхождения, так как не из недоброжелательства, а скорее, по ошибочному расчету придерживались ранее нейтралитета, а теперь решились отступить от прежней бездеятельности.

33. Если вы благосклонно примете нашу просьбу, то и для вас этот случай будет выгоден во многих отношениях¹. Прежде всего потому, что вы предоставите желанную помощь несправедливо обиженным, а не тем, кто причиняет вред другим. Затем потому, что, поддержав нас в тот момент, когда решается наша судьба, вы окажете нам благодеяние, память о котором никогда не изгладится. И наконец, потому, что мы обладаем сильнейшим после вашего флотом. (2) Учтите, какая это редкая удача для вас и какой тяжелый удар для ваших врагов, когда держава, которую вы охотно привлекли бы на свою сторону даже за большие деньги и суля великую признательность, теперь сама по собственному почину обращается к вам. При этом она отдает себя в ваше распоряжение, не подвергая вас никакому риску и не вовлекая в расходы, приносит вам славу великодушия и, кроме того, благодарность ваших подзащитных и, наконец, усиливает вашу боевую мощь. Лишь немногим сразу когда-либо выпадала на долю такая удача, как вам, и лишь немногие, прося сейчас о помощи, смогут предоставить в случае нужды такую же защиту и почет, каких в настоящее время ожидают от вас. (3) Что же касается войны (когда наши услуги, пожалуй, вам пригодятся), то жестоко ошибаются те, кто думает, что дело до войны не дойдет. Они не видят, что лакедемоняне стремятся к войне из страха перед вами² и что коринфяне – ваши враги, столь влиятельные у них, – только и думают сначала справиться с нами, чтобы потом напасть на вас. Коринфяне опасаются только, как бы мы из общей ненависти не встали вместе с вами плечом к плечу против них и как бы им не упустить хотя бы одной из двух возможностей: уничтожить нас или усилиться самим. (4) Итак, наша общая задача – первыми напасть на них; мы предлагаем вам союз, а вы примите его: лучше сейчас предупредить их замыслы, чем противодействовать им потом.

34. Если же коринфяне скажут, что мы – их колонисты, и поэтому вы не вправе принимать нас, то да будет им известно, что всякая колония почитает свою метрополию, лишь пока та хорошо обращается с нею, если же встречает несправедливость, то отрекается от метрополии. Ведь колонисты выезжают не для того, чтобы быть рабами оставшихся на родине, а чтобы быть равноправными с ними. (2) Несправедливость же поведения коринфян очевидна: ведь мы предложили спор об Эпидамне перенести в третейский суд. Но они вместо законного судебного разбирательства предпочли силой оружия добиваться своих притязаний. (3) И пусть вам послужит уроком¹ такое обращение с нами, их сородичами, чтобы вы не дали им провести себя хитростью и отказали в том, что они напрямик попросят. Ведь чем кто-то меньше раскаивается в своих одолжениях врагам, тем безопаснее он проживет.

35. Но вы даже не нарушите договора¹ с лакедемонянами, если примете нас под защиту, так как мы не состоим ни в одном союзе. (2) Ведь договор этот гласит: каждому эллинскому городу, который является нейтральным, разрешается примкнуть к тому или другому союзу. (3) Недопустимо, чтобы коринфянам было позволено набирать корабельную команду не только из числа своих союзников, но и в остальной Элладе и даже в ваших собственных владениях, тогда как нам возбраняется вступать в открытый для всех союз и искать помощи где-либо в другом месте, а вам будет вменено в правонарушение, если вы согласитесь на нашу просьбу. (4) Гораздо больше будет оснований у нас сетовать, если мы не убедим вас. Ведь нас, находящихся в опасности и вовсе не врагов ваших, вы оттолкнете, тогда как коринфянам (хотя они недруги и нападают на вас) вы не только не станете чинить препятствий, но даже спокойно позволите усилить их боевую мощь в ущерб вашей державе. Это будет несправедливо. Вам следовало бы или запретить набор наемников в пределах вашей державы, или послать и нам помощь (на

условиях, какие вам будут удобны); лучше же всего открыто принять нас в союз и помочь своим флотом. (5) Это даст вам, как мы уже говорили, различные выгоды. Прежде всего, у нас с вами общие враги, а это самый надежный залог прочности союза; притом враги отнюдь не слабые, которые могут причинить своим противникам немало вреда. А так как предлагаемый нами союз – морской, а не сухопутный, то отказ от него для вас особенно нецелесообразен. Ведь вам следует по возможности не допускать, чтобы кто-либо другой, кроме вас, держал флот; если же вы не в состоянии этому помешать, то должны по крайней мере иметь на своей стороне того, у кого флот наиболее сильный.

36. Иной из вас сочтет эти наши предложения и в самом деле выгодными, но все же, хотя и убежденный нашими доводами, побоится нарушить договор. Но он должен понять, что такая боязнь, подкрепленная с нашей стороны силой, скорее устроит врагов, уверенность же, опирающаяся только на верность договору (если нас не примут в союз), будет проявлением слабости, менее всего страшной могущественным врагам. Теперь дело идет уже не о Керкире, а о самих Афинах: плохую услугу оказывает Афинам тот, кто, тщательно обдумывая настоящее положение, все же не решается, ввиду предстоящей и почти что неизбежной войны¹, вступить в союз с нашим городом (а ведь дружба или вражда с ним имеет для вас величайшее значение). (2) Действительно, местоположение Керкиры особенно благоприятно для плавания вдоль берегов Италии и Сицилии: оно позволяет закрыть доступ флоту, идущему оттуда на помощь пелопоннесцам, а наши морские силы – отправить в Италию и Сицилию²; во многих других отношениях оно представляется также весьма выгодным. (3) Короче говоря, вы должны понять и решить, что вам не следует покидать нас на произвол судьбы. Теперь ведь у эллинов есть только три значительных флота: ваш, наш и коринфский. Если вы допустите объединение двух последних флотов и если коринфяне нас покорят, то вам придется потом одновременно сражаться на море с керкирянами и пелопоннесцами. Если же вы примете нас в союз, то сможете, усилив свой флот нашими кораблями, успешно вести войну с ними». Так говорили керкиряне, а после них коринфяне сказали следующее.

37. «Так как керкиряне говорили здесь не только о приеме их в ваш союз, но объявили, будто мы обходимся с ними несправедливо и противозаконно ведем войну¹, то необходимо и нам, прежде чем обратимся к делу, сначала высказаться по этим двум пунктам. Вы узнаете тогда, будучи более надежно подготовлены, в чем наше требование, и поймете, что у вас есть убедительное основание отвергнуть их просьбу. (2) По их утверждению, они никогда ни с кем не заключали союза из мудрой осторожности. Однако не из честных побуждений они поступали так, а по злему умыслу, так как не желали никого иметь союзником в своих неправых поступках или свидетелем, которого им пришлось бы стыдиться. (3) Вместе с тем выгодное островное положение их города позволяет керкирянам в значительно большей степени быть судьями своих собственных злодеяний, так как они не связаны никакими союзными договорами². Сами они очень редко посещают гавани соседей, зато чужеземным кораблям приходится по необходимости весьма часто из-за непогоды заходить на Керкиру. (4) И при таких обстоятельствах они еще выставляют на вид свой нейтралитет, направленный не к тому, чтобы не быть соучастниками чужих преступлений, а чтобы бесчинствовать самим. Там, где возможно, они открыто прибегают к насилию, а там, где представится удобный случай, они бесстыдно захватывают чужое. (5) Если бы они были действительно столь добропорядочными людьми, как они это утверждают, то чем менее они уязвимы для своих соседей, тем больше могли бы выказать свои достоинства, руководствуясь справедливостью при устранении взаимных претензий.

38. В действительности же они вовсе не относятся добропорядочно ни к другим, ни к нам. Хотя они и наши колонисты, но с давних пор совершенно отделились и теперь даже воюют с нами, да еще утверждают в свое оправдание, что не для того выселились, чтобы терпеть от

нас несправедливость и обиды. (2) Мы же говорим: не для того и мы вывели колонию, чтобы керкиряне и их послы нагло оскорбляли нас, а чтобы стоять во главе их и пользоваться подобающим уважением согласно обычаю. (3) По крайней мере, все остальные наши колонии оказывают нам этот почет, и колонисты нас очень уважают. (4) Ясно, что если большинству мы пришлось по душе, то это доказывает, что и у керкирян нет оснований для недовольства. И мы не пошли бы войной против нашей собственной колонии, не встретив с ее стороны столь вызывающего пренебрежения. (5) Но пусть даже мы в самом деле виноваты: керкирянам сделало бы честь считаться с нашим недовольством, а нам было бы стыдно применить силу, видя их скромность. (6) В своем высокомерии, кичась богатством, керкиряне решили, что могут наносить нам всяческие обиды, и ныне силой захватили наш Эпидамн, о котором, пока он был в беде, они вовсе не заботились, а теперь держат в своей власти.

39. Далее, керкиряне утверждают, что были готовы заранее подчиниться решению третейского суда. Однако такое предложение имеет больший вес, если исходит не от того, кто сам находится в выгодном положении, а от того, кто, прежде чем взяться за оружие, ставит себя в равное положение с противником и на словах, и на деле. (2) Керкиряне же выступили со своим прекрасным предложением третейского суда только после начала осады Эпидамна, когда убедились, что мы не будем глядеть на это сквозь пальцы. Мало им преступлений, совершенных ими одними, так вот теперь они являются сюда, чтобы сделать вас не столько союзниками, как соучастниками своих преступлений и заступниками в споре с нами. (3) Им следовало бы прийти к вам проситься в союз тогда, когда им еще нечего было бояться, а не теперь, когда после ссоры с нами им грозит опасность. Тогда вы ничего не получили от них, а теперь, когда они в беде, вы должны еще помогать им. Хотя вы и непричастны к их преступлениям, но все же перед нами вы будете виновны наравне с керкирянами. Но только в том случае, если бы в свое время они объединились с вами, вам было бы справедливо отвечать сообща за последствия этого шага.

40. Итак, ясно, что мы имеем полное основание жаловаться на керкирян и что они насильники и корыстные люди. Теперь надлежит еще доказать, что вы не имеете права принимать их в союз. (2) Ведь если договор гласит, что каждый город, не включенный в список союзников, может по желанию присоединиться к любому союзу, то этот пункт договора не имеет в виду тех, кто вступает в союз во вред другому, а лишь тех, кто ищет защиты, не уклоняясь от своих обязательств; государство, у которого просят защиты, если оно поступает благоразумно, не должно опасаться, что нарушит этим мир и будет вовлечено в войну. А это именно вас и ждет, если вы не послушаете нас. (3) Ведь вы станете тогда не только их защитниками, но, разорвав договор с нами, сделаетесь нашими врагами. Если вы пойдете с ними, то нам, разумеется, предстоит неизбежно сражаться и с вами, и с ними. (4) Впрочем, если вы желаете поступить справедливо, тогда вам, скорее всего, следует остаться нейтральными или же, наоборот, идти с нами против них. С Коринфом, по крайней мере, у вас заключен мир, а с Керкирой никогда не было даже на короткое время подобного соглашения. Не вводите в обычай брать под защиту отпавшие чужие города! (5) Ведь мы не голосовали против вас после отпадения Самоса¹, когда мнения прочих пелопоннесцев разделились – следует ли помогать им или нет, – а, напротив, открыто высказались за то, чтобы каждый город мог наказывать своих союзников. (6) Если же вы примете в союз и возьмете под защиту провинившихся перед нами, то, очевидно, немало и ваших союзников перейдет к нам. Подобное новшество повредит скорее вам самим, нежели нам.

41. Вот наши справедливые притязания к вам, согласные с эллинскими обычаями¹. Но вместе с тем мы считаем уместным напомнить вам о лежащем на вас долге благодарности; ведь мы – не враги ваши, чтобы причинять вред, но и не столь близкие друзья, чтобы пользоваться услугами безвозмездно. (2) Был случай, когда перед мидийской войной² у вас не хватало воен-

ных кораблей для войны с Эгиной, и вы получили 20 кораблей от коринфян. Эта наша услуга и другая, оказанная позднее при отпадении Самоса (ведь по нашему побуждению пелопоннесцы тогда не помогли самосцам), позволили вам одолеть Эгину и наказать самосцев. (3) И это произошло при таких обстоятельствах, когда люди в борьбе с врагом обычно безразличны ко всему, кроме стремления к победе над ним. Действительно, всякого помогающего им люди считают другом (будь он раньше даже недругом) и всякого, кто стоит на пути, – врагом (хотя бы он раньше и был другом), так как, поглощенные интересами момента, готовы пренебречь соображениями родства.

42. Обдумайте это, а кто из вас помоложе, пусть узнает от старших¹ и считает своим долгом отплатить нам равной услугой; и не думайте, что хотя наши доводы и справедливы, но в случае войны другие пути будут выгодны. (2) Ведь неправый путь не всегда приводит к выгоде. Дойдет ли дело до войны, которой вас так страшат керкиряне, желая соблазнить на неправо дело, еще неизвестно. Поэтому остерегайтесь из страха перед войной навлечь этим нашу явную вражду уже в настоящее время, а не когда-то в будущем. Наконец, гораздо благоразумнее было бы рассеять старое недоверие из-за Мегар². (3) Оказанная под конец, но своевременно услуга, будь она даже не столь значительной, может загладить и важную вину. (4) Не рассчитывайте на якобы могущественный флот, который керкиряне предлагают для союза с вами. Не чинить зла равным себе соседям – куда более надежный источник силы, чем стяжание чреватых опасностями преходящих выгод для усиления своего могущества.

43. Мы теперь находимся в таком положении, о котором ранее решительно высказывались в Лакедемоне, считая, что каждый город вправе налагать взыскания на своих союзников. Мы ожидаем ныне, что и вы не будете в этом нам помехой, и подобно тому, как мы тогда поддерживали вас нашим голосованием, так и вы теперь не нанесете нам вреда своим решением. (2) Отплатите нам за равную услугу равной и помните, что настал такой момент, когда всякий, кто за нас, – наш лучший друг, а кто против – тот жестокий враг. (3) Не принимайте же в союз керкирян наперекор нам и не защищайте их бесчинств. (4) Такое решение будет справедливо и наиболее выгодно для вас самих».

44. Такова была речь коринфян. Афиняне же выслушали обе стороны и даже созывали народное собрание дважды¹. На первом собрании афиняне склонились скорее на доводы коринфян. На следующий же день, на вторичном собрании, они передумали и приняли решение вступить в союз с Керкирой, правда, не такой, чтобы иметь общих друзей и врагов (ведь требование керкирян напасть вместе с ними на Коринф с моря означало бы для афинян нарушение договора с пелопоннесцами). Был заключен оборонительный союз на условиях взаимопомощи в случае нападения на Керкиру и Афины или на одного из их союзников². (2) Ведь афиняне были убеждены, что воевать с пелопоннесцами придется во всех случаях, и потому не желали отдавать Керкиру с ее сильным флотом в руки коринфян. Прежде всего, однако, они желали по возможности перессорить их между собой для того, чтобы в войне с Коринфом или с другой морской державой во всяком случае иметь дело с уже ослабленным противником. (3) Вместе с тем было очевидно особое благоприятное географическое положение острова Керкиры на пути в Италию и Сицилию³.

45. Таким образом оценивали афиняне обстановку, заключив союз с керкирянами. После отъезда коринфских послов они послали на помощь Керкире 10 кораблей¹ под командой Лакедемония, сына Кимона, Диотима, сына Стромбиха, и Протея, сына Эпикла. (2) Военачальникам было приказано не вступать в сражение с коринфянами, если только те не нападут на Керкиру и не вздумают высадиться там или где-либо во владениях керкирян. Этому военачальники были обязаны по возможности воспрепятствовать. Эти указания были даны, чтобы не нарушать мирного договора. (3) Итак, эти корабли прибыли на Керкиру.

46. Коринфяне же, завершив военные приготовления, на 150 кораблях отплыли против Керкиры. 10 из этих кораблей были элейские, 12 – из Мегар, 10 – с Левкады, 27 – из Ампракии и 1 – из Анактория; из самого же Коринфа – 90. (2) Корабли отдельных городов¹ были под командой своих собственных начальников, коринфскими же командовал Ксеноклид, сын Евфикла, с четырьмя другими начальниками². (3) Отплыв от Левкады и подойдя к матерiku против Керкиры, эскадра бросила якорь у Химерия в земле феспротов. (4) Это – гавань³, над которой немного далее вглубь страны лежит город Эфира в феспротийской Элеатиде. Вблизи Эфиры изливается в море Ахеронтское озеро, куда впадает протекающая через Феспротию река Ахеронт (которая дала озеру его название). Неподалеку течет также река Фиамида, образующая границу между Феспротией и Кестриной. Между обеими реками выдается в море мыс Химерий. (5) Именно в этом месте коринфяне бросили якоря и разбили лагерь.

47. Узнав о приближении коринфской эскадры, керкиряне посадили на свои 110 кораблей экипаж под начальством Микиада, Эсимеда и Еврибата¹ и устроили стоянку на одном из островов, называемых Сиботами. С ними были также и 10 аттических кораблей. А на мысе Левкимме стояло сухопутное войско керкирян, усиленное 1000 гоплитов из Закинфа². (2) У коринфян на материке было также большое вспомогательное варварское войско, так как жители этой части материка были их исконными друзьями.

48. Окончив все приготовления, коринфяне с 3 дневным запасом продовольствия на борту вышли ночью из Химерия в открытое море, чтобы начать сражение. (2) На заре¹ они увидели на горизонте плывущие к ним корабли керкирян. (3) Заметив друг друга, противники начали боевое построение. На правом крыле керкирян были аттические корабли, а остальную боевую линию занимали их собственные корабли, разделенные на 3 эскадры (во главе каждой стоял один из трех военачальников). Так выстроились керкиряне. (4) У коринфян же на правом крыле находились мегарские корабли и корабли из Ампракии, в центре – остальные союзники, отдельно друг от друга, и на левом крыле (против афинян и правого крыла керкирян) – сами коринфяне с лучшими кораблями.

49. Наконец, были даны сигналы¹ к нападению, обе эскадры сблизилась, и битва началась. На корабельных палубах с обеих сторон было много гоплитов, много лучников и метателей дротиков, так как корабли были снаряжены по старому, несовершенному способу². (2) Сражение было ожесточенным, но не в силу тактического искусства противников и скорее напоминало сухопутную схватку. (3) Всякий раз сталкиваясь друг с другом в тесноте и суматохе, корабли не без труда снова расходились. Противники больше рассчитывали на победу гоплитов на палубе, которые сражались плечом к плечу друг с другом, причем корабли стояли спокойно на месте. Прорвать строй вражеских кораблей не пытались. Грубая сила и боевой пыл заменяли противникам нехватку военного искусства. (4) Всюду царил шум и беспорядочная суматоха битвы. Афинские корабли пока ограничивались тем, что появлялись рядом с керкирскими всякий раз, когда те подвергались натиску, и устрашали врагов своим присутствием; военачальники не вступали в сражение из боязни нарушить приказ афинян³. (5) Больше всего страдало правое крыло коринфян. Там керкиряне с 20 кораблями обратили в бегство и затем преследовали бежавшего врага до самого материка. Затем они доплыли на кораблях до вражеского лагеря⁴ и, высадившись там, предали огню пустые палатки и разграбили имущество. (6) Здесь, таким образом, коринфяне и союзники потерпели поражение, а керкиряне остались победителями. На левом же крыле, где стояли сами коринфяне, они имели решительный успех, так как у керкирян (у которых и без того было мало кораблей) не принимали участия в бою 20 кораблей, преследовавших врага. (7) Афиняне же, заметив, что неприятель теснит керкирян, начали помогать им уже более открыто. Сначала они еще избегали вступать в сражение. Когда

же стало ясно, что керкиряне бегут и коринфяне теснят их, все уже без разбора ринулись в бой, и в пылу сражения афиняне сошлись с коринфянами врукопашную.

50. После бегства врагов коринфяне не стали буксировать поврежденные вражеские корабли, но принялись, проплывая мимо, убивать людей, не беря их в плен. Но так как они еще не знали о своем поражении на правом крыле, то по ошибке перебили даже собственных друзей. (2) При множестве кораблей у обоих противников, которые покрывали море на широком пространстве, в суматохе нелегко было отличить победителей от побежденных. Ведь это была самая большая по численности кораблей морская битва между эллинами из всех бывших до нее. (3) Прогнав керкирян до суши, коринфяне затем повернули назад, чтобы осмотреть обломки своих кораблей и тела погибших, которых им большей частью удалось подобрать и доставить к Сиботам, где стояло большое вспомогательное варварское войско. Сиботы – это пустынная гавань в Феспротии. (4) После этого коринфяне, собрав свои корабли, вновь обратились против керкирян. Керкиряне также поплыли им навстречу на своих кораблях, еще способных держаться на плаву, и на остальных¹, прибывших вместе с аттическими кораблями после битвы; они опасались попытки коринфян высадиться на их земле. (5) Было уже поздно, и они запели пеан² (как сигнал к нападению), как вдруг коринфяне, увидев 20 афинских кораблей, плывущих на них, дали задний ход. Эти корабли афиняне послали на помощь вслед за прежними 10 кораблями, опасаясь поражения керкирян (что и случилось) и полагая, что 10 кораблей слишком мало для спасения керкирян.

51. Итак, лишь только коринфяне заметили вдали корабли и заподозрив, что это афинские и их, может быть, даже больше, они постепенно начали отступление. (2) Керкирянам же этих кораблей не было видно, так как те подплывали незаметно, и они не могли понять, почему это коринфяне гребут назад, пока наконец кто-то, заметив корабли, не закричал, что виден парус. Тогда керкиряне также начали отходить (ведь уже стало темнеть), а коринфяне повернули назад и рассеялись. (3) Так противники разошлись, и ночь положила конец сражению. (4) Упомянутые же 20 афинских кораблей под начальством Главкона, сына Леагра, и Андокида, сына Леогора, продолжали свой путь среди трупов и корабельных обломков¹ до Левкиммы (где был лагерь керкирян), куда и прибыли вскоре после того, как их заметили керкиряне. (5) Керкиряне сначала испугались (дело было ночью), думая, не враги ли это, но вскоре поняли свою ошибку, после чего афиняне бросили якорь.

52. На следующий день 30 аттических кораблей и корабли керкирян, которые еще держались на плаву, подняли якоря и отплыли к гавани у Сибот¹, где стояли коринфяне, чтобы убедиться, начнут ли те морское сражение. (2) И коринфяне также вышли в открытое море и выстроились в боевом порядке. Однако они стояли спокойно, не собираясь сами начинать сражение ввиду прибывших из Афин свежих подкреплений и своего весьма затруднительного положения: им нужно было стеречь пленников на кораблях² и, кроме того, ремонт кораблей в этой отдельной стране был невозможен. (3) Коринфянам важнее всего было как можно скорее возвратиться домой. Они опасались, что после битвы афиняне считают договор уже нарушенным и теперь преградят им обратный путь.

53. Итак, коринфяне решили отправить к афинянам несколько человек в лодке без жезла глашатая¹, чтобы разведать положение дела. Посланцам они велели сказать вот что: «Несправедливо, афиняне, вы поступаете, начиная воевать и нарушая мирный договор. Мы хотим наказать наших врагов, а вы преграждаете нам путь силой оружия. Если вы действительно решили нарушить мир и помешать нам плыть на Керкиру или куда-либо в другое место, то нападайте сейчас и считайте нас врагами». (2) Так сказали коринфяне. А керкиряне на кораблях, услышав эти слова, общим криком потребовали схватить и умертвить посланцев. Афиняне же отвечали так: «Пелопоннесцы, мы вовсе не собираемся воевать и нарушать договор, а пришли лишь на помощь керкирянам, нашим союзникам. Мы не препятствуем вам плыть куда-нибудь в другое

место. Но если вы нападете на Керкиру или на ее владения, то мы постараемся по возможности не допустить этого».

54. После такого ответа афинян коринфяне начали приготовления к отплытию домой и воздвигли трофей на материке у Сибот. Керкиряне же подобрали обломки своих кораблей и тела погибших¹, вынесенные течением и поднявшимся ночью ветром, который повсюду выбросил их на берег, и также поставили трофей² на Сиботах как победители. (2) Обе стороны приписывали себе победу по следующим основаниям: коринфяне остались победителями в морском сражении до наступления ночи, им удалось убрать свои поврежденные корабли и трупы погибших; они также взяли в плен свыше 1000 человек и привели в негодность около 70 кораблей противника. Потому-то они и воздвигли трофей. (3) Керкиряне же поставили свой трофей, потому что уничтожили до 30 кораблей³ и по прибытии афинян подобрали на своей земле тела погибших и обломки кораблей, а коринфяне, увидев накануне аттические корабли, стали грести назад, начав отступление, и по прибытии афинян уже более не осмелились напасть на них из Сибот. Так каждая из сторон приписывала себе победу.

55. Между тем на обратном пути коринфяне хитростью захватили Анакторий¹, город, основанный совместно Коринфом и Керкирой при выходе из Ампракийского залива. Оставив там своих колонистов, они возвратились затем домой. Из числа керкирских пленников коринфяне продали 800 человек (которые были рабами), а 250 оставили в плену и обращались с ними хорошо², чтобы по возвращении на Керкиру те могли оказать им содействие (к тому же, как оказалось, большинство пленников принадлежало к числу знатнейших граждан города). (2) Так-то керкиряне счастливо избавились от войны с Коринфом³, и поэтому афинские корабли возвратились домой. Это стало, однако, первым поводом к войне коринфян с афинянами, поскольку афиняне начали во время перемирия с ними войну на стороне керкирян.

56. Непосредственно после этого еще и другие события явились дальнейшим поводом к войне афинян с пелопоннесцами. (2) Коринфяне искали возможности отомстить афинянам, и их враждебные намерения не остались тайной для афинян. Поэтому афиняне приказали Потидее¹, колонии коринфян на перешейке Паллены (одному из союзных городов-данников), снести городские стены на южной стороне, обращенной к Паллене, выдать заложников, выслать эпидемиургов (уполномоченных, ежегодно посылаемых туда из Коринфа) и впредь больше их не принимать. Афиняне опасались, как бы жители Потидеи, подстрекаемые Пердиккой и коринфянами, не восстали против них и не склонили к отпадению все остальные фракийские города².

57. На эти меры против Потидеи афиняне решились тотчас же после морской битвы у Керкиры. (2) Ведь коринфяне уже тогда были явными врагами афинян, а их прежний друг и союзник Пердикка, сын Александра¹, царь Македонии, еще раньше поссорился с ними (3) из-за того, что они заключили союз с его врагами – братом Филиппом и Дердой². (4) Встревоженный этим, Пердикка повсюду начал вести переговоры: он отправил послов в Лакедемон подстрекать пелопоннесцев к войне с афинянами; старался привлечь на свою сторону коринфян, чтобы подготовить отпадение Потидеи. (5) Пердикка побуждал также халкидян³ и боттиеев⁴ на фракийском побережье восстать против афинян в надежде, что вместе с этими своими соседями ему будет легче вести войну с афинянами. (6) Узнав об этих происках Пердикки, афиняне, чтобы предотвратить отпадение городов, послали в Македонию 30 кораблей и 1000 гоплитов под начальством Архестрата, сына Ликомеда, и десяти⁵ других военачальников, которым был дан приказ взять в Потидее заложников, заставить срыть городскую стену и зорко следить за соседними городами, чтобы те не восстали.

58. Потидейцы же отправили послов к афинянам, пытаясь побудить их отказаться от задуманных враждебных мер. Вместе с коринфянами они обратились также и в Лакедемон¹, с тем чтобы на всякий случай заручиться помощью оттуда. В Афинах после долгих переговоров им не удалось добиться успеха, и корабли афинян, отплывавшие в Македонию, получили направление и против Потидеи. В Лакедемоне же власти заверили потидейцев, что в случае нападения афинян на Потидею лакедемоняне вторгнутся в Аттику². Тогда-то потидейцы решили, что настала пора при таких благоприятных обстоятельствах вместе с халкидянами и боттиейцами (которые ради этого связали себя с ними клятвенным союзом) отпасть от Афин. (2) Пердикка же убедил халкидян покинуть и разрушить свои приморские города и переселиться дальше внутрь страны – в Олинф, – и превратить этот город в неприступную крепость. Царь отдал даже в пользование этим переселенцам (на время войны с афинянами) участок своей земли в Мигдонии на озере Больба. Халкидяне разрушили свои города и, переселившись вглубь страны, стали готовиться к войне.

59. Между тем 30 афинских кораблей, прибыв на фракийское побережье, обнаружили, что Потидея и другие города уже отпали от Афин. Военачальники, однако, не сочли возможным с наличными силами одновременно вести войну с Пердиккой и с восставшими городами. Поэтому они обратились против Македонии (для чего их первоначально и послали). Высадившись там, они открыли военные действия вместе с Филиппом и братьями Дерды¹, которые со своими отрядами вторглись в Македонию из глубины страны².

60. Теперь, после отпадения Потидеи, в тот момент, когда аттическая эскадра появилась в македонских водах, коринфяне испугались за участь города. Видя в этом опасность и для самих себя, они послали на помощь отряд своих собственных добровольцев и наемников из других пелопоннесских городов, всего 1600 гоплитов и 400 легковооруженных воинов. (2) Во главе их поставили Аристея, сына Адиманта¹ (он был старинным другом потидейцев, и из дружбы к нему собралось добровольцами большинство коринфских воинов). (3) Спустя 40 дней после отпадения Потидеи они прибыли к берегам Фракии².

61. Вскоре пришло и к афинянам известие об отпадении городов. И когда афиняне узнали, что войско Аристея уже близко, то послали против восставших 2000 гоплитов из афинских граждан и 40 кораблей под начальством Каллия, сына Каллиада¹, и четырех других военачальников. (2) По прибытии в Македонию афиняне застали там свой первый отряд в 1000 человек, который только что захватил Ферму и теперь осаждал Пидну². (3) Тогда вновь прибывшие присоединились к осаждающим Пидну, но вскоре им пришлось заключить соглашение и даже вынужденный союз с Пердиккой: их вынудило к этому подаяние в Потидее и прибытие Аристея³. (4) Поэтому афиняне ушли из Македонии, достигли затем Береи и далее Стрепсы⁴. Отсюда после неудачной попытки овладеть городом отряд по суше двинулся на Потидею. Войско афинян состояло из 3000 афинских гоплитов, множества союзников и 600 македонских всадников во главе с Филиппом и Павсанием⁵; в то же время эскадра из 70 кораблей плыла вдоль побережья. (5) Короткими маршами на третий день афиняне прибыли в Гигон⁶, где и разбили лагерь.

62. Между тем потидейцы и пелопоннесский отряд Аристея в ожидании афинян расположились лагерем перед городом¹ на перешейке со стороны Олинфа и устроили там рынок. (2) Начальником всей пехоты союзники выбрали Аристея, а конницы – Пердикку, который снова изменил афинянам и теперь помогал потидейцам, передав управление царством Иолаю². (3) Замысел Аристея состоял в том, чтобы ожидать со своим отрядом афинян на перешейке; халкидяне же с остальными союзниками за перешейком и 2000 всадников Пердикки должны были оставаться в Олинфе и в случае нападения афинян на Аристея напасть на них с тыла и

таким образом зажать врага в клещи. (4) Каллий же, афинский военачальник, вместе со своими командирами выслал против Олинфа македонских всадников и небольшой отряд союзников для прикрытия от возможного нападения, а сам, выступив из лагеря, пошел на Потидею. (5) Когда афиняне достигли перешейка и увидели врагов в боевой готовности, то они, в свою очередь, построились в боевой порядок, и вскоре началось сражение. Крыло пелопоннесцев под командой Аристея³ (где стояли коринфяне и другие отборные отряды) обратило врагов в бегство и долго преследовало их. Остальное же войско потидейцев и пелопоннесцев было разбито афинянами и бежало под защиту городских стен Потидеи.

63. Возвратившись после преследования врагов, Аристей увидел, что его остальное войско разбито. Сначала он колебался, решая, куда ему идти, чтобы избежать опасности, – в Олинф¹ или в Потидею. Затем Аристей все же принял решение, сомкнув как можно теснее свой отряд, быстрым маршем пробиться в Потидею. Ему действительно удалось добраться до города вдоль мола через море под обстрелом противника и с трудом, но все же без больших потерь спасти основную часть отряда. (2) Отряд олинфян, шедший на помощь в Потидею (Потидея отстоит от Олинфа стадий на 60 и видна оттуда), успел пройти лишь небольшое расстояние, когда битва уже началась и сигнальные значки были подняты. Македонские же всадники выстроились в боевом порядке, чтобы помешать продвижению олинфян. Но когда победа стала быстро клониться на сторону афинян и сигнальные значки опустились, олинфяне возвратились в город, а македоняне – назад к афинянам, (3) так что конница обеих сторон не участвовала в битве. После битвы афиняне воздвигли трофей и, устроив перемирие, разрешили потидейцам похоронить павших воинов². У потидейцев и их союзников пало не меньше 300 человек³, потери же афинян⁴ составляли 150 граждан, среди которых был и стратег Каллий.

64. После битвы афиняне тотчас же построили вторую стену против городской стены с северной стороны, обращенной к перешейку, и поставили охрану. Сторона же, обращенная к Паллене, осталась неукрепленной. Афиняне считали, что у них недостаточно сил для того, чтобы охранять перешеек и одновременно, переправившись к Паллене, строить стену и там: при таком разделении сил они опасались неожиданной атаки потидейцев и их союзников. (2) Когда в Афинах узнали, что сторона, обращенная к Паллене, не обнесена стеной, то отправили 1600 гоплитов во главе с Формионом, сыном Асопия. Прибыв в Паллену, Формион повел свой отряд со стороны Афития¹ на Потидею; медленно продвигаясь, он опустошал местность. (3) Не встретив сопротивления, он построил стену на стороне Паллены против городской стены Потидеи. Таким образом, афиняне теперь всеми силами обложили город с обеих сторон на суше, а с моря одновременно его блокировала афинская эскадра.

65. Таким образом, город был теперь совершенно отрезан, и у Аристея уже не оставалось надежды на спасение, если только из Пелопоннеса или откуда-либо еще не придет неожиданная помощь. Поэтому Аристей предложил всем (кроме 500 человек) покинуть город на кораблях при первом попутном ветре, чтобы оставшимся в городе на большой срок хватило запасов продовольствия. Сам же он вызвался остаться в городе. Однако это предложение не встретило согласия потидейцев. Тогда Аристей (желая обеспечить все необходимое в таком положении и подготовить наилучшим образом внешнюю помощь) сам отплыл, не замеченный афинской стражей. (2) За время своего пребывания на Халкидике Аристей принял участие вместе с халкидянами в походах и, между прочим, нанес поражение жителям Сермилы¹, устроив засаду близ их города, и многих из них перебил. В Пелопоннесе он вел тайные переговоры, всячески стараясь получить помощь. (3) Между тем Формион, установив блокаду Потидеи, со своими 1600 гоплитами принялся опустошать Халкидику² и Боттику и даже захватил несколько городов.

66. Это стало вторым мотивом вражды между афинянами и пелопоннесцами. Коринфяне не могли простить афинянам осаду Потидеи, их колонии, и находившихся там коринфян и пелопоннесцев. Афиняне же были в обиде на то, что пелопоннесцы склонили к восстанию их союзный город-данник и даже открыто сражались против них, помогая потидейцам. Однако настоящая война еще не разразилась, и перемирие пока еще продолжалось, ибо коринфяне до сих пор действовали на свой страх и риск¹.

67. Теперь, однако, блокада Потидеи не давала покоя коринфянам, и не только потому, что в городе находились их люди, но и оттого, что они опасались за участь самого города. Итак, тотчас же после начала осады коринфяне стали приглашать союзников на собрание в Лакедемон и, прибыв туда, обрушились на афинян как на нарушителей договора, не считающихся с правами Пелопоннеса. (2) Эгинцы из страха перед афинянами не решились открыто отправить послов на собрание, но втайне вместе с коринфянами еще яростнее подстрекали к войне, жалуясь на потерю своей независимости вопреки договору. (3) Лакедемоняне также пригласили своих союзников и всех, кто жаловался на притеснение афинян. Созвав обычное¹ народное собрание, они предложили всем желающим высказывать свои жалобы. Тогда союзники начали один за другим выступать с обвинениями, в особенности мегарцы. Наряду со многими другими претензиями основная жалоба мегарцев² состояла в том, что, вопреки договору, их лишают доступа в гавани афинской державы и на рынок Аттики. (4) Последними выступили коринфяне. Предоставив сначала другим возбудить воинственность лакедемонян, они добавили следующее.

68. «Дух доверия, царящий у вас в общественной и частной жизни, лакедемоняне, заставляет вас несколько недоверчиво относиться к людям, если они, подобно нам, жалуется на других. И именно из-за этого при всем вашем благоразумии вам иногда не хватает прозорливости во внешних делах. (2) Как часто мы предупреждали вас, что афиняне злоумышляют против всех нас; однако вы не делали из этого надлежащих выводов; напротив, вы подозревали, что мы заводим речь об этом из своих частных побуждений. Вот почему вы и на этот раз созвали ваших союзников не заблаговременно, а лишь теперь, когда события уже развернулись. Нам подобает держать речь перед союзниками именно потому, что у нас есть важнейшие причины жаловаться на наглость афинян и на ваше постоянное пренебрежение к нам. (3) Если бы афиняне творили свои преступные деяния в Элладе втайне, тогда, конечно, вы могли бы об этом не знать и вас следовало бы уведомить об этом. А теперь нужны ли долгие речи, когда вы видите, что одних эллинов афиняне уже поработили, а другим¹ – и как раз нашим союзникам – они теперь строят козни и давно уже сделали все приготовления на случай войны. (4) Иначе ведь они не захватили бы Керкиру силой оружия, и не владели бы ею поныне вопреки нашей воле, и не осаждали бы Потидею. А ведь Потидея – наиболее выгодно в военном отношении расположенный пункт, господствующий над фракийским побережьем, Керкира же могла бы предоставить пелопоннесцам значительные морские силы.

69. И виноваты в этом вы, так как это вы после мидийской войны сначала позволили афинянам укрепить свой город, а потом и построить Длинные стены. И до сих пор вы не только продолжаете лишать свободы поработенных ими подданных, а теперь даже начали отнимать ее и у ваших собственных союзников. Ведь истинный поработитель народа – не сам поработивший, а тот, кто, будучи в состоянии положить конец рабству, не делает этого, хотя и добивается признания своей доблести как освободитель Эллады¹. (2) С трудом, правда, мы наконец собрались сюда, но и теперь еще неясно – с какой целью. Ведь нас должно интересовать не то, подвергаемся ли мы насилию, а то, как нам обороняться против него. Неприятель действует по заранее намеченному плану и нападает на нас без колебания, в то время как мы всё еще пребываем в нерешительности. (3) И мы знаем методы афинян: как они шаг за шагом наступают на соседей. Правда, думая, что их не замечают (из-за вашего равнодушия), они ведут себя

пока менее дерзко. Однако заметь они только, что вы, разгадав их игру, смотрите на них сквозь пальцы, они сразу же налягут со всей силой. (4) Только вы, лакедемоняне, одни из эллинов бездействуете, обороняясь не силой, а медлительностью; только вы одни стараетесь подавить вражескую мощь не в ее зачатке, а когда она вдвое возрастет. (5) Конечно, всегда говорили, что ваше положение надежно; но действительность оказалась убедительнее. Мы ведь знаем, что Мидиец от края света дошел до Пелопоннеса скорее, чем вы собрались его встретить с достаточными боевыми силами. А теперь вы не обращаете внимания на афинян, хотя они живут не столь далеко, как он, а весьма близко от вас. И вместо того чтобы самим напасть на них, вы лишь обороняетесь, предпочитая в борьбе с сильнейшим врагом положиться на волю случая. Хотя, как вы знаете, не только Варвар был сам больше всего виноват в своем поражении², но и мы в борьбе с афинянами нередко одерживаем верх скорее в силу их собственных ошибок³, нежели благодаря вашей помощи. Для кое-кого из тех, кто, уповая на вашу помощь, не подготовился к войне, эти надежды уже были губительны⁴. (6) Не подумайте только, что мы говорим вам это из неприязни. Наша жалоба вполне обоснованна. Ведь жалуется на друзей, допустивших ошибку, а врагов обвиняют в причиненной обиде.

70. Во всяком случае, мы считаем себя вправе, как и всякий другой, откровенно указать людям на их недостатки, тем более пребывая в таком критическом положении, когда под удар поставлены важнейшие наши интересы (о чем вы, видимо, даже и не догадываетесь). Вероятно, вам еще никогда не приходилось задумываться о том, что за люди афиняне, с которыми вам предстоит борьба, и до какой степени они во всем несхожи с вами. (2) Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых. (3) Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях¹. А вы всегда отстаёте от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. (4) Они подвижны, вы – медлительны. Они странники, вы – домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть². (5) Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. (6) Жизни своей для родного города афиняне не щадят, а свои духовные силы³ отдают всецело на его защиту⁴. Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достоинства, а каждое удачное предприятие для них – лишь первый шаг к новым, еще большим успехам. (7) Если их постигнет какая-либо неудача, то они изменят свои планы и наверстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, потому что исполнение у них следует непосредственно за желанием. (8) Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоинством, так как желают еще большего⁵. Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его⁶.

71. И вот перед лицом такого города вы, лакедемоняне, еще продолжаете бездействовать! По-вашему, мир сохраняют не те, которые даже своими военными приготовлениями не нарушают права, но, однако, решительно показывают, что не потерпят обиды, если им причиняют ее. Для вас справедливость заключается в том, чтобы и не нападать на других, и самим, защищаясь, не причинять обиды. (2) Такая политика промедления едва ли принесет вам успех, даже если бы ваши соседи думали так же, как и вы. А в данном случае, как мы только что показали, ваш образ действий сравнительно с афинским совершенно устарел. (3) И как в искусствах, так и в политике новое всегда неизбежно должно возобладать над старым. В спокойные времена лучше всего не изменять существующих порядков и обычаев. Но когда при изменившихся

обстоятельствах неизбежно возникает и много новых задач, тогда требуются и многие преобразования. Поэтому-то в силу более богатого опыта политика афинян изменилась гораздо больше вашей. (4) Итак, покончите наконец с вашей медлительностью и теперь придите на помощь, как вы обещали, и Потидее¹, и другим. Немедленно совершите вторжение в Аттику, чтобы не отдать ваших друзей и соплеменников в руки злейших врагов и не заставить нас остальных в отчаянии подумать о другом союзе². (5) Мы не совершим этим преступления ни пред лицом богов – хранителей клятв, ни в глазах людей благоразумных. Ведь нарушителем договора является не тот, кто, покинутый в нужде одними союзниками, обращается к другим, а тот, кто не помогает в нужде союзникам. Если же вы проявите благожелательность, то мы останемся с вами. (6) Мы поступили бы нечестиво, изменив вам, да и не нашли бы более близких друзей, чем вы. (7) Поэтому вынесите правильное решение и постарайтесь, чтобы ваша держава в Пелопоннесе, унаследованная от предков, не уменьшалась из-за отпадения отдельных союзных городов».

72. Так сказали коринфяне. Случайно в Лакедемон уже перед тем прибыло также и посольство из Афин. Услышав об этих речах обвинителей афинян, послы решили, что им придется выступить перед лакедемонянами не с тем, чтобы оправдаться от обвинений городов, но чтобы рекомендовать вообще не спешить с решением, а обдумать дело более обстоятельно. Вместе с тем они желали дать лакедемонянам представление о мощи своего города, старикам напомнить о прошлом, а молодым рассказать о том, чего те еще не знали. Послы рассчитывали своей речью побудить лакедемонян скорее к миру, чем к войне. (2) Итак, они обратились к лакедемонским властям, объявив о желании выступить в народном собрании, если нет к тому препятствий. (3) Получив разрешение говорить, афинские послы выступили и сказали следующее.

73. «Наше посольство прибыло сюда не для споров с вашими союзниками, а с особым поручением от нашего города. Тем не менее, слыша немало тяжких обвинений против нас, мы выступаем здесь вовсе не с защитой против обвинений городов (ведь вы – не судьи, перед которыми мы или они должны держать речь), а чтобы не позволить вам в этом серьезном вопросе, слепо доверившись доводам союзников, склониться к безрассудному решению. Вместе с тем мы желаем по поводу всего, что здесь о нас говорилось, сказать, что мы честно приобрели наши владения и что город наш достоин уважения. (2) К чему упоминать о стародавних событиях, о чем известно больше из преданий, чем от очевидцев. Но необходимо сказать о мидийских войнах и других событиях, которые вам самим пришлось пережить вместе с нами (хотя частое упоминание об этом в конце концов может надоесть). Действительно, тогда мы рисковали своей жизнью ради общего спасения, и этот наш подвиг послужил и вам. Поэтому вовсе лишить нас упоминания об этом нельзя. (3) Но этим мы не оправдываемся, а хотим лишь дать представление о том, с каким городом вам предстоит борьба, если вы примете необдуманное решение. (4) Мы утверждаем, что раньше всех¹ при Марафоне один на один дали отпор Варвару. А когда потом он снова пришел в Элладу, то мы, будучи не в силах бороться на суше, сели на корабли с женами и детьми, а затем вместе с прочими эллинами сразились с ним на море при Саламине. Эта битва только и помешала ему напасть на Пелопоннес и опустошить там города один за другим², так как при огромной мощи неприятельского флота пелопоннесцы не могли бы помочь друг другу. (5) Наилучшее этому доказательство дал сам царь: после морского поражения он ведь уже не считал свою мощь равной нашей и с большей частью войска быстро покинул Элладу.

74. Итак, счастливый исход этой битвы ясно показал, что участь Эллады решена флотом. И мы создали три основных условия победы: выставили большинство кораблей, и умнейшего из военачальников, и свою неутомимую энергию (ведь почти 2/3 из 400 кораблей¹ принадлежали нам). Фемистоклу, нашему полководцу, мы и обязаны главным образом тем, что битва

произошла в Саламинском проливе (что, совершенно очевидно, и принесло нам успех). И за эти-то заслуги вы сами оказали ему исключительные почести², как никому из других чужеземных гостей. (2) Наконец, мы выказали также великое самопожертвование. Никто ведь на суше нам не помог, так как остальные города на пути врага до наших пределов уже покорились ему³. И тогда мы сочли долгом покинуть наш город и бросить свое добро. Уцелевших союзников мы не желали оставить, и так как в рассеянии мы не могли принести им пользы, то решили отплыть на кораблях, не гневаясь на вас за то, что вы раньше не помогли нам. (3) Поэтому можно утверждать, что мы сделали для вас не меньше, чем вы нам. В страхе скорее за себя, чем за нас, вы пришли на помощь из городов, еще не разоренных, с тем чтобы впоследствии владеть ими, а пока наш город был цел, вы не являлись. Напротив, когда мы отправлялись в путь, нашего города уже не существовало, и, вступая в борьбу, мы едва ли могли надеяться на его возрождение. И все же, несмотря на это, мы в меру наших сил спасли не только вас, но и самих себя. (4) Перейди мы, как некоторые другие, из страха за нашу землю на сторону Мидянина или не решились потом (считая, что все потеряно) сесть на корабли, вам не пришлось бы с вашими малочисленными кораблями сражаться на море с персами; и тогда дела персов пошли бы так гладко, как они желали.

75. Неужели, лакедемоняне, тогдашней нашей энергией и благоразумием мы заслужили столь великую ненависть эллинов только лишь из-за державы, которой мы теперь владеем? (2) Притом нашу державу мы приобрели ведь не силой, но оттого лишь, что вы сами не пожелали покончить с остатками военной силы Варвара в Элладе. Поэтому-то союзники добровольно обратились к нам с просьбой взять на себя верховное командование. (3) Прежде всего дальнейшее развитие нашего могущества определили сами обстоятельства. Первое – это главным образом наша собственная безопасность; затем – соображения почета и, наконец, выгода. (4) Наша собственная безопасность требовала укрепления нашей власти, раз уж дошло до того, что большинство союзников нас возненавидели, а некоторые восставшие были даже нами усмирены. Вместе с тем ваша дружба не была уже прежней; она омрачилась подозрительностью и даже прямой враждой; отпавшие от нас союзники перешли бы к вам, что было весьма опасно для нас. (5) Ведь никому нельзя ставить в вину, если в минуту крайней опасности он ищет средства спасения.

76. Вы, лакедемоняне, например, управляете пелопоннесскими городами, установив там порядки себе на благо¹. Возбудив долгим господством столько ненависти к себе со стороны союзников, как мы, вы были бы вынуждены (мы уверены в этом) или властвовать над ними силой, или подвергать себя опасности. (2) Таким образом, нет ничего странного или даже противоестественного в том, что мы приняли предложенную нам власть и затем ее удержали. Мы были вынуждены к этому тремя важнейшими мотивами: честью, страхом и выгодой. Не мы первыми, однако, обратились к такому способу упрочения власти, но искони уже так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему. Вместе с тем, по нашему мнению, мы достойны нашей власти, да и вы сами в недавнее время думали так же. Теперь вы, думая о своей выгоде, ссылаетесь на справедливость. (3) Но соображения справедливости никого еще не заставили упустить представившийся случай расширить свое могущество с помощью силы. И следует похвалить тех, кто, несмотря на врожденное людям стремление властвовать над другими, все-таки управляет справедливее, чем это им необходимо при существующей мощи их державы. (4) Другие, будучи на нашем месте (так нам, по крайней мере, кажется), скорее всего, показали бы, сколь умеренно наше господство. Нам же за нашу умеренность выпало на долю вместо похвалы незаслуженное бесславие.

77. Хотя в деловых тяжбах¹ с союзниками мы в менее выгодном положении и даже в наших собственных судах признаем за ними полное равенство, несмотря на это, они жалуются, что мы сутяжничаем и придираемся. (2) И никто из них не обращает внимания на то,

что не встречают упреков другие, также имеющие владения где-нибудь на чужбине², хотя и управляют подвластными им более жестко, чем мы. Ведь тому, кто склонен применять грубую силу, нет нужды в судах. (3) А наши союзники, привыкшие обращаться с нами как с равными, если только против ожидания им хоть чем-нибудь придется поступиться (будь то по приговору суда или по принуждению нашей власти), отнюдь не благодарят за то, что их не лишают гораздо более важного, а с еще большим возмущением подчиняются господствующей власти, чем если бы мы, уже с самого начала отбросив законность, открыто притеснили их. В таком случае сами они, конечно, ведь не стали бы оспаривать, что слабый должен уступать сильнейшему. (4) Однако людей, видимо, больше раздражает несправедливость, якобы им причиненная³, нежели самое жестокое насилие: в этом они усматривают пренебрежение со стороны равных себе, в другом – необходимость подчиняться насилию более могущественного. (5) Под властью Мидянина, по крайней мере, союзники и не то еще терпеливо выносили, а наше господство им в тягость. (6) И неудивительно: ведь всегда подвластные недовольны своими правителями. Если бы вы, одолев нас, достигли владычества над Элладой, вы скоро утратили бы расположение союзников (которого добились только из-за страха союзников перед нами), по крайней мере, если бы ваши взгляды остались теми же, какими были вскоре после того, как вы приняли командование в войне против Мидянина. Ведь обычаи у вас совершенно иные, чем где-либо в Элладе, да, кроме того, как только кто-нибудь из вас окажется за рубежом, он действует, не сообразуясь ни с этими обычаями, ни с порядками остальной Эллады.

78. Итак, не принимайте поспешно решения в столь важном деле и не возложите на себя тяжкого бремени забот, поддавшись чужим мнениям и жалобам. Прежде чем взяться за оружие, подумайте о том, сколь непредвиденный оборот¹ может принять война. (2) Ведь затяжная война обычно приносит всякого рода случайности обеим сторонам, и как сложится дело в конце концов – неясно. (3) Начиная войну, люди сразу же приступают к действиям, с которыми следовало бы повременить, и уж после неудач обращаются к рассуждениям. (4) Так как ни мы сами, ни вы еще не совершили подобной ошибки, то настоятельно советуем вам (пока еще есть время) принять благоразумное решение, не нарушая договора и клятв, а спорные вопросы между нами улаживать третейским судом. Если же вы с этим не согласны и все же начнете войну, то мы, призывая в свидетели богов – хранителей святости клятв, последуем вашему примеру и попытаемся дать отпор с оружием в руках».

79. Так говорили афиняне. Лакедемоняне же, выслушав жалобы союзников и речи афинян, предложили всем удалиться и стали держать совет, что им теперь предпринять. (2) Большинство в народном собрании высказалось за то, что афиняне виновны в нарушении договора и поэтому следует немедленно объявить им войну. Тогда выступил царь лакедемонян Архидам, слывший благоразумным и рассудительным человеком, и сказал следующее.

80. «Я сам, лакедемоняне, участвовал во многих войнах¹ и вижу среди вас моих сверстников, из которых, конечно, нет ни одного, кто бы по неопытности желал войны: только тот, кто не имеет такого опыта, может считать войну благом или даже легким делом. (2) Здравомысленно рассудив, вы сами убедитесь, что война, которую вы сейчас обсуждаете, будет немаловажной. (3) Ведь с нашими соседями пелопоннесцами по боевым силам мы приблизительно равны и, если нужно, можем быстро напасть в любом месте на их землю. Но когда приходится иметь дело с людьми в отдаленной стране (которые к тому же опытейшие мореходы и прекрасно обеспечены всем необходимым для войны), у которых и народ богат, и казна полна, и кораблей, конницы, оружия и людей больше, чем где-либо в Элладе, не говоря уже о множестве союзников – их данников, то можно ли начинать без подготовки войну с такой державой, да еще столь поспешно? На что нам рассчитывать? Уж не на флот ли? (4) Но здесь мы уступаем афинянам, а если начнем строить корабли и готовить экипажи для них, на это уйдет время.

Или, быть может, на денежные средства? Но денег ведь нам и так не хватает, и казна у нас пуста, а собрать частные средства будет нелегко.

81. Можно было бы предположить, что наше превосходство в числе гоплитов позволит постоянными набегами опустошать аттическую землю. (2) Но ведь у афинян много другой земли, и к тому же они морем будут доставлять себе все необходимое. (3) Если мы попытаемся затем поднять восстание афинских союзников, то нам также придется помогать им кораблями, поскольку большинство союзников – островитяне. (4) Что же это будет за война? Пока мы не добьемся победы на море и неотрежем афинян от средств и путей снабжения их флота, мы постоянно будем терпеть неудачи. (5) И примирение в таком случае не будет для нас почетным, тем более если окажется, что мы больше виноваты в войне, нежели афиняне. (6) Не будем обольщаться надеждой на скорый конец войны, если мы опустошим их землю. Напротив, я опасаюсь, как бы эта война не осталась в наследство нашим детям. Афиняне, надо полагать, слишком горды, чтобы испытывать рабскую привязанность к своей земле, и не отступят перед войной, как будто она была им внове.

82. Впрочем, я вовсе не предлагаю закрывать глаза на ущерб нашим союзникам от афинян и отказаться от изобличения злых замыслов наших противников. Я советую только пока не браться за оружие, а сначала отправить послов с жалобами, не угрожая открыто войной, но и не проявляя готовности пойти на уступки. А тем временем самим нам следует готовиться к войне, привлекая союзниками как эллинов, так и варваров, чтобы получить откуда-нибудь помощь кораблями или деньгами. Ведь людям в нашем положении, стоящим перед такой угрозой со стороны афинян, нельзя поставить в упрек, что они принимают помощь не только от эллинов, но и от варваров. А тем временем и мы успеем закончить наши военные приготовления. (2) И вот, если афиняне хоть в чем-нибудь уступят нашим послам, тем лучше. Если же нет, то года через 2–3 мы будем лучше подготовлены, чтобы в случае необходимости самим напасть на них. (3) Поэтому, когда они убедятся, что мы уже начали приготовления и наши слова не расходятся с делом, тогда они, пожалуй, скорее пойдут на уступки и примут правильное решение, пока их земля еще не опустошена и добро не погибло. (4) Считайте их землю только залогом, тем более ценным, чем лучше она обработана. Землю их нам нужно как можно дольше щадить, чтобы не вынудить афинян сопротивляться с мужеством отчаяния. (5) Действительно, если мы, не подготовившись к войне, только вняв жалобам союзников, опустошим Аттику, то смотрите, как бы нам не причинить этим Пелопоннесу еще больше позора и невзгод. (6) Ведь жалобы отдельных городов и частных лиц можно уладить, но если ради частных интересов¹ вспыхнет всеобщая война, исход которой нельзя предвидеть, то ее нелегко будет завершить с почетом.

83. Итак, пусть не сочтут трусостью, если такое множество городов не пожелает тотчас напасть на один-единственный город. (2) В самом деле, и у афинян не меньше нашего союзников, притом таких, которые платят им подать. Вообще говоря, ведь успех в войне зависит не от оружия, а от денежных средств, при которых оружие только и приносит пользу, тем более – в войне материковых жителей с островитянами. (3) Итак, давайте позаботимся сперва о деньгах и не дадим опрометчиво вовлечь себя в войну речами союзников. На нас ведь в значительной степени падает ответственность за тот или иной исход войны, и поэтому следует все это заранее и спокойно обсудить.

84. И пусть вас не смущают упреки в медлительности и нерешительности. Ведь, взявшись поспешно за оружие, вам из-за плохой подготовки к войне придется воевать дольше. Наш город к тому же всегда был свободным и высокочтимым городом, и эта наша медлительность и осторожность, в сущности, есть только сознательная благоразумная политика. (2) Именно поэтому мы одни только и не кичимся успехами, а в беде не так легко, как другие, унываем. Мы не поддадимся на льстивые соблазны и не позволим против убеждения вовлечь себя в опасные авантюры. И если за это нас станут донимать упреками¹, то и досада не побудит нас к уступчивости. (3) Привычка к строгой дисциплине делает нас храбрыми воинами и мудрыми в совете.

Храбрыми – потому что чувство чести у нас теснее всего связано с дисциплиной, а с чувством чести сочетается мужество. Мудрые же в совете мы оттого, что не так воспитаны, чтобы в своей умственной изошренности презирать законы², и слишком приучены к суровой дисциплине, чтобы не повиноваться им. Мы воспитаны так, что не очень-то разбираемся в предметах бесполезных, например не умеем в красивых речах критиковать военные приготовления и планы врагов, вместо того чтобы опровергнуть их делом, когда это понадобится. Напротив, мы считаем, что вражеские планы так же разумны, как и наши, и что не речами надо отвечать на превратности судьбы. (4) При наших военных приготовлениях и планах всегда нужно исходить из того, что перед нами враг, хорошо понимающий дело. И никогда не следует строить расчеты на ожидаемых ошибках противника, но полагаться только на свою собственную готовность к войне. Не думайте только, что люди так уж резко отличаются друг от друга, но сильнейший всегда тот, кто воспитан в самых суровых правилах.

85. Этим заветам наших отцов мы следовали с давних пор себе на пользу. Не будем опрометчиво и поспешно выносить решение, от которого зависит участь столь многих людей, городов, казны и имущества и, наконец, даже нашего доброго имени. Давайте же все обсудим спокойно. При нашей военной мощи мы можем себе это позволить более, чем кто-либо. (2) Итак, прежде всего отправьте послов в Афины для переговоров о Потидее, поручите им также уладить и остальные жалобы союзников, тем более что афиняне готовы принять решение третейского суда. А тому, кто согласен предстать перед судом, объявлять войну как нарушителя договора незаконно, до тех пор пока его не выслушают. А тем временем готовьтесь к войне. Это решение – наиболее полезное для вас и будет самым страшным для врагов». (3) Так сказал Архидам¹. Последним выступил Сфенелаид, один из тогдашних эфоров, с такой речью.

86. «Долгие речи афинян мне непонятны: в самом деле, сначала они выступили с страннным самовосхвалением, а потом – ни слова в оправдание зла, причиненного нашим пелопоннесским союзникам¹. Если тогда в борьбе против мидян они показали свою доблесть, а теперь ведут себя с нами как враги, то вдвойне заслуживают кары за то, что из доблестных людей стали злыми. (2) А мы и поныне остались теми же, что и тогда. Мы не оставим союзников и не будем медлить с помощью, так как и они ведь не могут отложить свои невзгоды. (3) Пусть у других много денег, кораблей и коней, зато у нас – доблестные союзники, и их не следует выдавать афинянам. Третейскими судами и речами нечего решать дело, так как враг грозит нам не речами, а оружием, и нужно как можно скорее и всей нашей военной силой помочь союзникам. (4) И пусть никто не уверяет вас, что, несмотря на причиненные обиды, нам подобает еще долго совещаться и обсуждать дело. Нет! Подумать хорошенько следовало бы скорее тем, кто собирается нарушить договор. (5) Поэтому, лакедемоняне, выносите решение о войне, как это и подобает Спарте. Не позволяйте афинянам слишком усилиться и не выдавайте им наших союзников. Итак, с помощью богов пойдем на обидчиков!»

87. После этих слов Сфенелаид как эфор предложил собранию решить вопрос голосованием. (2) Затем, однако, он объявил, что не может разобрать, чей крик громче (ведь спартанцы выносят решение, голосуя криком, а не камешками). А потом, желая открытым голосованием вернуть спартанцев к войне, добавил: «Кому из вас угодно, лакедемоняне, считать договор нарушенным и афинян виновниками этого нарушения, пусть встанет на ту сторону» (указав место, где им встать). «А кто считает, что нет, – в другую сторону». (3) Тогда все лакедемоняне встали и разошлись по обеим сторонам, причем значительное большинство признало нарушение договора. (4) Затем лакедемоняне снова пригласили союзных послов и объявили, что по их решению афиняне нарушили договор. Тем не менее они желают собрать всех союзников и сообща решить вопрос о войне голосованием, чтобы вести войну с общего согласия. (5) Договорившись об этом, союзники уехали по домам, а затем покинули Спарту также и афинские послы, выполнив свои поручения. (6) Это постановление народного

соборания Спарты последовало на 14-м году 30-летнего мирного договора, заключенного после евбейской войны.

88. Впрочем, нарушить мир и начать войну лакедемоняне решили вовсе не в угоду союзникам и не под влиянием их убеждений, а скорее из страха перед растущим могуществом афинян, которые уже тогда, как видели лакедемоняне, подчинили себе большую часть Эллады.

89. Афиняне же достигли подобного могущества вот каким образом. (2) После ухода мидян из Европы, разбитых эллинами на море и на суше (бежавшие на кораблях в Микалу остатки их войска были уничтожены)¹, Леотихид², царь лакедемонян (предводитель эллинов при Микале), возвратился со своими пелопоннесскими союзниками на родину. Афиняне же вместе с отпавшими от царя союзниками из Ионии и Геллеспонта остались для осады Сеста³ (где мидяне еще держались). Проведя там зиму, союзники после ухода варваров захватили город, а затем все они отплыли из Геллеспонта на родину в свои города. (3) Сразу же после отступления варваров из Аттики афинские власти⁴ велели перевезти в город женщин и детей с остатками домашнего имущества из тех мест⁵, куда их отправили ради безопасности, и начали отстраивать город и восстанавливать стены⁶. Ведь от окружной стены сохранились лишь незначительные остатки; большая часть жилищ также лежала в развалинах (осталось лишь немного домов, которые были заняты знатными персами).

90. Прослышав об этом намерении афинян, лакедемоняне отправили послов в Афины, чтобы помешать возведению стен. Они и сами предпочли бы видеть Афины и другие города неукрепленными, и к тому же побуждали их союзники, которые опасались новоявленного морского могущества афинян и отваги, проявленной ими в мидийской войне. (2) Поэтому-то лакедемоняне и требовали от афинян отказаться от укрепления их города и даже предложили помочь им разрушить существующие стены в других городах вне Пелопоннеса. Своих собственных замыслов и подозрений против афинян они, впрочем, не открывали, а ссылались на то, что если Варвар когда-нибудь вздумает вновь напасть на Элладу, то не найдет себе уже никакого опорного пункта (каким в теперешней войне для персов служили Фивы), а всем эллинам достаточным убежищем и опорным пунктом для их военных операций будет Пелопоннес. (3) Афиняне же по совету Фемистокла дали ответ, что сами отправят к ним посольство по этому делу, и отпустили лакедемонских послов. Тогда Фемистокл предложил немедленно отправить его самого послом в Лакедемон, остальных же послов не отпускать вместе с ним, но задержать в Афинах до тех пор, пока воздвигаемая стена не достигнет высоты, достаточной для обороны. Весь город поголовно – мужчины, женщины и дети – должен был строить стены, не щадя при этом ни частных, ни общественных зданий, а просто снося их, если это могло ускорить работы. (4) После этих распоряжений Фемистокл добавил, что о дальнейшем он позаботится сам в Лакедедоне, и уехал¹. (5) Прибыв в Лакедемон, он не явился сразу же к властям, но под разными предлогами постоянно откладывал посещение. И всякий раз, когда власти спрашивали, почему он не обращается к ним, Фемистокл отвечал, что ожидает товарищей послов, которые случайно задержались и скоро придут.

91. Лакедемоняне, выслушивая Фемистокла, из дружелюбия верили ему. Но когда стали прибывать из Афин очевидцы¹ со сведениями о том, что там идет строительство стен, которые достигли уже порядочной высоты, не могли и к этому отнестись с недоверием. (2) Фемистокл, узнав об этом, просил не верить рассказам, а послать в Афины нескольких надежных людей разузнать об этом и доставить верные сведения. (3) Лакедемоняне так и поступили. Фемистокл же, опасаясь, что, узнав правду, лакедемоняне не отпустят их всех на родину, тайно сообщил об этом посольству афинянам, советуя им, не предавая дело огласке, задержать послов и не отпускать до тех пор, пока афинские послы не вернутся из Лакедемона. Итак, по его совету афиняне задержали послов. Между тем и остальные послы – Аброних, сын Лисикла², и Аристид, сын

Лисимаха³, – успели прибыть к нему в Лакедемон с известием, что возведены уже достаточно высокие стены. (4) Тогда, наконец, Фемистокл откровенно заявил лакедемонянам, что стены уже готовы и Афины достаточно укреплены, чтобы защищать своих жителей. Если же лакедемоняне или союзники, добавил Фемистокл, когда-нибудь вновь отправят послов в Афины по какому-либо делу, то найдут там людей, которых не придется учить тому, что полезнее для них и что – для всей Эллады. (5) Ведь ранее афиняне без чужой помощи на свой страх и риск решили, что разумнее будет покинуть свой город и сесть на корабли, и на общих совещаниях с лакедемонянами снова показали, что они не глупее других. (6) Так и теперь афиняне решили, что для них самое лучшее – укрепить свой город стеной, что, по их мнению, будет полезно всем союзникам не менее, чем самим афинянам. (7) Ведь без единой системы безопасности союзники не в состоянии принимать одинаково важные и ценные решения на общее благо. Итак, сказал в заключение Фемистокл, либо всем союзникам следует запретить укрепление своих городов, либо и в данном случае действия афинян следует признать правильными.

92. Выслушав эти слова, лакедемоняне открыто не показали афинянам своего недовольства¹ (ведь они, по их словам, отправляли посольство, вовсе не ставя себе целью возражать против возведения стен, а желая к общему благу повлиять на решение афинян; к тому же лакедемоняне относились тогда к афинянам особенно дружественно из-за их усердия и мужества во время войны с Мидянином). Впрочем, втайне лакедемоняне очень досадовали, что им не удалось достичь своей цели. Послам же обе стороны разрешили возвратиться домой без всяких претензий.

93. Таким образом, за короткое время афиняне успели восстановить городские стены. (2) И теперь еще заметны следы поспешности при строительстве стен¹. Действительно, нижние слои сложены из разных и кое-где даже необтесанных камней, то есть их укладывали в том виде, как они были доставлены. Много также было вложено в стену могильных плит и камней, приготовленных ранее для других целей. Так как окружная стена всюду была расширена (по сравнению с прежней)², то весь пригодный для строительства материал в спешке приходилось брать откуда попало. (3) По настоянию Фемистокла были возобновлены работы в оставшейся еще не укрепленной части Пирея³ (где работы были начаты уже прежде, в течение года его архонтства). По его мнению, именно это место с тремя естественными гаванями⁴ могло дать афинянам (когда они станут морской державой) огромные преимущества для дальнейшего роста их мощи. (4) Фемистокл впервые высказал великую мысль о том, что будущее афинян – на море, и положил таким образом начало⁵ строительству и укреплению Пирея, взяв это дело в свои руки тотчас же после постановления. (5) По его совету стены, возведенные вокруг Пирея, были такой толщины (как это можно видеть еще и теперь)⁶, что две встречные повозки с камнем могли там разехаться. Внутри стен для скрепления плит не было заложено ни щебня, ни глины, но огромные прямоугольные на обтесанной стороне каменные плиты были плотно подогнаны друг к другу и с внешней стороны скреплены железными и свинцовыми скобами. Правда, по окончании постройки высота стен оказалась равной только половине высоты, задуманной Фемистоклом. (6) Ведь Фемистокл хотел возвести стены настолько высокие и толстые, чтобы враг не смел даже и помыслить о нападении на них, и для охраны их было достаточно горстки людей и даже инвалидов; всех же остальных граждан можно было посадить на корабли. (7) Действительно, Фемистокл особенно заботился о флоте, как мне кажется, оттого, что персидскому войску, по его мнению, легче напасть на Элладу с моря, нежели с суши. Поэтому и Пирей в его глазах был важнее верхнего города, и он непрестанно советовал афинянам в случае неудачи на суше спуститься в Пирей и оттуда на кораблях сражаться против любого врага. (8) Таким образом, афиняне тотчас после ухода мидян стали укреплять свой город стенами и занялись прочими военными приготовлениями.

94. Павсаний, сын Клеомброта из Лакедемона, был послан главным военачальником эллинов с 20¹ пелопоннесскими кораблями. В его походе участвовали также афиняне² на 30 кораблях и много других союзников. Сначала союзники отплыли на Кипр³ и покорили большую часть острова, а затем направились к Византию⁴ (который тогда находился в руках мидян) и, осадив его, овладели городом.

95. Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (особенно ионян и всех, кто только что освободился от персидского ига). Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам¹ с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания. (2) Афиняне отнеслись к этому сочувственно и решили, приняв это предложение, распорядиться в дальнейшем по-своему. (3) Между тем лакедемоняне отозвали Павсания, чтобы расследовать ходившие о нем слухи. Действительно, приезжавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью, подобавшее скорее тирану, нежели полководцу. (4) Отозвание же Павсания совпало как раз с тем временем, когда союзники (кроме пелопоннессцев), озлобленные им, перешли к афинянам. (5) Прибыв в Лакедемон, Павсаний предстал перед судом и был осужден, но только за злоупотребления против частных лиц. А от главных обвинений в государственных преступлениях ему удалось оправдаться. Обвиняли же его в основном в приверженности к персам (и это обвинение, по общему мнению, было достаточно обоснованным). (6) Поэтому Павсания уже больше не назначили главнокомандующим, а вместо него отправили Доркиса² с другими полководцами и небольшим войском³. Союзники, однако, не признали за ними гегемонии. (7) При таком положении этим военачальникам пришлось возвратиться в Лакедемон. После этого лакедемоняне никого больше уже не посылали из опасения, что посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены (как это они уже испытали на примере Павсания). Да и вообще лакедемоняне с этих пор уже не желали принимать участия в мидийской войне, считая, что афиняне (с которыми они пока еще были в дружбе) вполне способны предводительствовать союзниками.

96. Став, таким образом, предводителями¹ по предложению союзников (из-за их ненависти к Павсанию), афиняне определили, какие города должны вносить деньги на борьбу с Варваром², а какие – выставлять корабли с экипажами³ (предлогом было желание отомстить Варвару за причиненные им бедствия опустошением персидской земли). Тогда впервые афиняне учредили должность эллиноتامиев (казначеев союзной эллинской казны)⁴, которые принимали форос (так называлась уплата денежных взносов). Первый форос был установлен в сумме 460 талантов⁵. Казнохранилищем был Делос⁶, и в тамошнем храме происходили собрания делегатов союзников.

97. Теперь я расскажу о том, чего достигли афиняне в военных и политических делах в эпоху между войнами мидийскими и этой войной, когда они стояли во главе сперва еще независимых союзников (с правом голоса на общесоюзных собраниях) и воевали как с варварами, так и с собственными отпавшими союзниками и с теми пелопоннесцами, которые при каждом удобном случае вмешивались¹ в дела афинян. (2) Я описал эти события, потому что никто из моих предшественников не касался этого периода, описывая либо события, предшествовавшие мидийским войнам, либо сами мидийские войны². Даже Гелланик, который, правда, коснулся этого периода в своей «Истории Аттики»³ (но и то лишь вкратце), допустил при этом неточность в хронологии. Вместе с тем в этой части моего труда я дал очерк возникновения мощи афинской державы.

98. Сначала афиняне во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, осадив, захватили Эйон на Стримоне¹, который тогда еще был в руках мидян, и продали его жителей в рабство. (2) Затем

они завоевали Скирос² (остров в Эгейском море, населенный долопами), продали его жителей в рабство и заселили своими колонистами³. (3) Потом у них началась война с каристянами на Евбее (без участия, однако, остальных евбейцев); в конце концов афиняне заставили и каристян сдаться на определенных условиях⁴. (4) Затем вспыхнула война с восставшими наксосцами, которые после осады были вынуждены подчиниться⁵. Это был первый случай лишения независимости союзного города вопреки существующему союзному договору. Впоследствии та же участь по очереди постигла и другие города⁶.

99. Поводами к восстаниям союзников служили (наряду с другими) главным образом недоимки при уплате дани и при поставке кораблей, а также встречавшееся иногда уклонение от военной службы. Действительно, афиняне строго взыскивали недоимки, не останавливаясь перед принудительными мерами. (2) Поэтому-то власть афинян стала в тягость людям, не привыкшим к притеснениям и не склонным их переносить. И вообще господство афинян не было уже теперь так популярно, как прежде. В совместных походах афиняне обращались с союзниками не так, как с равными, и если кто-нибудь из них восставал, то восставших без труда вновь приводили к покорности. (3) Впрочем, виноваты в этом были сами союзники. Действительно, из малодушного страха перед военной службой (только чтобы не находиться вдали от дома) большинство из них позволили обложить себя налогом, и вместо поставки кораблей они предпочитали вносить надлежащие денежные суммы¹. И таким образом афиняне получили возможность на средства союзников увеличивать свой флот², а союзники, начиная восстание, всякий раз оказывались неподготовленными к войне и беззащитными.

100. Затем при реке Евримедонте в Памфилии у афинян с союзниками произошла битва с мидянами на суше и на море, где афиняне под предводительством Кимона, сына Мильтиада, одержали в один и тот же день двойную победу¹. Они захватили в плен и уничтожили в общем до 200 триер финикийской эскадры. (2) Вскоре после этого против афинян восстали фасосцы, поссорившись с ними из-за расположенных напротив острова во Фракии торгово-перевалочных пунктов и золотых копей. Афиняне выслали против Фасоса² эскадру и, одержав победу в морской битве, высадились на острове³. (3) Приблизительно в то же время они отправили на Стримон во Фракии 10 000 колонистов частью из самих Афин и из других союзных городов с целью основать на побережье поселение, тогда называвшееся Девять Путей⁴, а теперь – Амфиполь. Колонистам удалось, правда, захватить Девять Путей (которыми владели эдоняне), но, проникнув вглубь Фракии, они потерпели решительное поражение⁵ у Драбеска в земле эдонян от объединенных сил фракийцев, которые враждебно отнеслись к основанию колонии.

101. Между тем фасосцы, потерпев несколько поражений и осажденные афинянами, обратились за помощью в Лакедемон с призывом защитить их путем вторжения в Аттику. (2) Лакедемоняне (правда, втайне от афинян) обещали помощь и уже готовились совершить вторжение, но ему помешало разразившееся в Спарте землетрясение. В то же время в Фурии и Эфее подняли восстание илоты и перизки¹ и захватили Ифому² (большинство илотов были потомками поработанных некогда спартанцами древних мессенян, и поэтому все илоты назывались мессенянами). (3) Так у лакедемонян началась война с мессенянами в Ифоме. Фасосцам же на третий год осады пришлось сдаться афинянам: они были вынуждены срыть стены своего города, выдать корабли, немедленно уплатить денежную контрибуцию, уплачивать отныне дань³, а также отказаться от рудников и всех своих владений на материке.

102. Так как война с мессенянами в Ифоме затянулась, лакедемоняне призвали на помощь союзников, в том числе афинян. Афиняне прибыли со значительным отрядом¹ под предводительством Кимона. (2) Призвали же их лакедемоняне главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в осадном деле. Но так как осада затянулась надолго,

то явно обнаружилось неумение афинян овладеть крепостью: иначе ведь они взяли бы город приступом. (3) Лишь после этого похода впервые обнаружилось разногласия между лакедемонянами и афинянами. Так как силой взять город оказалось невозможно, то лакедемоняне из опасения, что афиняне при их своевольной и неустойчивой политике могут, будучи к тому же иноплеменниками, при затянувшемся пребывании выступить против них вместе с мятежниками в Ифоме, отослали афинян обратно (причем только их одних из всех союзников). Правда, лакедемоняне открыто не высказывали своих подозрений, но просто заявили, что помощь афинян им больше не нужна. (4) Афиняне, однако, поняли, что их официально отсылают под столь благовидным предлогом, а в действительности им просто не доверяют. Они были возмущены и решили не терпеть более подобного обращения со стороны лакедемонян. По возвращении афиняне тотчас же разорвали союз, заключенный с ними для борьбы против Мидянина, и вступили в союз с врагами лакедемонян – аргосцами (а затем к этим двум городам присоединились, заключив клятвенный союз, также фессалийцы)².

103. Между тем мессеняне в Ифоме не могли уж больше держаться и на десятый год осады заключили с лакедемонянами соглашение, получив право свободно покинуть Пелопоннес, с условием, однако, никогда туда не возвращаться, ибо каждого из них, застигнутого там, всякий имел право задержать и обратить в рабство¹. (2) Еще перед этим пифийский оракул изрек лакедемонянам повеление отпустить всякого молящего о защите у алтаря Ифомского Зевса. (3) Таким образом, мессеняне с женами и детьми покинули Пелопоннес, и афиняне из ненависти к лакедемонянам приняли их и переселили в Навпакт, только что захваченный ими у озольских локров². (4) Мегарцы также присоединились к афинскому союзу, отложившись от лакедемонян³, потому что коринфяне пошли на них войной из-за пограничной области. Афиняне тогда заняли Мегары и Пеги, отстроили мегарцам Длинные стены от города к Нисее и поставили там свои гарнизоны. Именно с этого времени коринфяне и стали ожесточенными ненавистниками афинян.

104. В это время ливиец Инар, сын Псамметиха¹ (царь ливийцев, граничивших с Египтом), из своего опорного пункта Марей, египетского города над Фаросом, поднял восстание против царя Артаксеркса, охватившее большую часть страны². Приняв на себя начальствование, Инар обратился за помощью к афинянам. (2) Афиняне, которые как раз в это время выступили с союзниками на 200 кораблях в поход на Кипр³, покинули Кипр и прибыли в Египет. Поднявшись затем вверх по Нилу, они овладели рекой и двумя третями Мемфиса⁴, а потом напали на последнюю треть (так называемую Белую Стену), где нашли убежище бежавшие персы и мидяне и верные царю египтяне.

105. При высадке афинян в области Галиев произошла битва с коринфянами и эпидаврийцами, и победу одержали коринфяне¹. Позднее афиняне сразились в морской битве с пелопоннесской эскадрой при Кекрифалии и победили противника. (2) Когда затем разразилась война афинян с эгинцами, то в большом сражении при Эгине (с участием союзников с обеих сторон) победителями вышли афиняне²: они захватили 70 кораблей эгинцев. Затем, высадившись на острове под предводительством Леократа, сына Стреба³, афиняне осадили город. (3) После этого на помощь эгинцам пелопоннесцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Гераний⁴, откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь большая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. (4) Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту)⁵ и отправили его под начальством Миронида

в Мегары. (5) После безрезультатного сражения с коринфянами противники разошлись, причем ни та ни другая сторона не признала себя побежденной⁷. (6) После ухода коринфян афиняне (которые действительно имели некоторый перевес) воздвигли трофей. Коринфяне между тем, возвратившись домой, были встречены там упреками и издевками стариков и поэтому спустя дней 12 снова вооружились, вернулись на поле битвы и там воздвигли свой трофей как победители. Тогда афиняне совершили внезапное нападение на коринфян⁸ из Мегар, перебили людей, поставивших трофей, а остальных одолели в схватке.

106. Разбитые коринфяне начали отступление¹. При этом довольно значительный отряд их, преследуемый неприятелем, сбился с пути и попал в усадьбу частного человека – земельный участок, обведенный широким рвом без выхода на другой стороне. (2) Заметив это, афиняне поставили перед входом гоплитов, а вокруг – легковооруженных воинов и перебили всех бывших там камнями. Для коринфян это поражение было большим бедствием. Впрочем, большая часть отряда коринфян благополучно вернулась домой.

107. Приблизительно в это время афиняне начали строительство Длинных стен до моря как к Фалерской гавани, так и к Пирею¹. (2) И фокидяне совершили вторжение в Дориду², древнюю родину лакедемонян с городами Бэем, Китинием и Эринеем³, и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своими гоплитами и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь. (3) При попытке переправиться морем через Крисейский залив⁴ лакедемоняне могли бы ожидать помехи со стороны крейсировавшей там афинской эскадры. Путь же через Геранию считался небезопасным, так как афиняне стояли в Мегарах и Пегах. Действительно, труднопроходимые дороги в Геранию находились под постоянным наблюдением афинян, которые намеревались (как только что узнали лакедемоняне) и здесь их не пропустить⁵. (4) Тогда лакедемоняне решили пока что остаться в Беотии и обдумать, как безопаснее всего им возвратиться домой. Между прочим, их тайно побуждали к этой остановке в Беотии некоторые афиняне, рассчитывавшие с их помощью свергнуть демократию и помешать строительству Длинных стен. (5) Между тем афиняне все поголовно выступили против лакедемонян вместе с 1000 аргосцев и подошедшими отрядами прочих союзников (а всего в совокупности 14 000 человек). (6) Афиняне предприняли этот поход, решив, что лакедемоняне никак не смогут пройти на родину, а отчасти и оттого, что заподозрили попытку лакедемонян свергнуть демократию. (7) На помощь афинянам, согласно союзному договору⁷, явилась также и фессалийская конница, которая, однако, во время битвы перешла на сторону лакедемонян.

108. В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери)¹. (2) Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм. Спустя 62 дня после битвы афиняне во главе с Миронидом вторглись в Беотию, разбили беотян в битве при Энофитах² и подчинили всю Беотию и Фокиду³. (3) Они велели затем срыть стены Танагры, приказали опунтским локрам⁴ выдать 100 заложников из богатейших граждан. К тому же времени они завершили постройку своих Длинных стен. (4) Вскоре за тем эгинцы также сдались афинянам⁵; им тоже пришлось разрушить стены, выдать свои корабли и платить отныне подать⁶. Афинская эскадра под начальством Толмида, сына Толмея, обогнула также Пелопоннес⁷. Афиняне сожгли корабельную верфь⁸ лакедемонян, захватили коринфский город Халкиду⁹ и, высадившись в Сикионской области, одержали победу над сикионцами.

109. Между тем афиняне с союзниками всё еще продолжали оставаться в Египте, сражаясь там с переменным успехом. (2) Действительно, сначала афинянам удалось овладеть всем Египтом. Затем персидский царь¹ отправил в Лакедемон перса Мегабаза с большой суммой денег, рассчитывая склонить пелопоннесцев к вторжению в Аттику² и вынудить этим афинян покинуть Египет. (3) Однако его посольство постигла неудача, деньги были растрачены напрасно, и Мегабазу с остатком денег пришлось возвратиться в Азию. Тогда царь послал в Египет Мегабиза³, сына Зопира, во главе большого войска⁴. (4) Мегабиз прибыл в Египет по суше, разбил в сражении египтян и их союзников⁵, изгнал затем эллинов из Мемфиса и, наконец, запер их на острове Просопитид⁶. Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока наконец ему не удалось осушить канал⁷, отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его.

110. Таков был гибельный конец эллинского похода после шестилетней войны. Из всего войска лишь немногим удалось спастись через Ливию в Кирену¹, большая часть воинов погибла. (2) Теперь весь Египет вплоть до области царя Амиртея² в болотистых низинах дельты Нила вновь оказался под властью персидского царя. Однако царя Амиртея в его обширных болотах нельзя было одолеть (к тому же жители этих болотистых низин – самые храбрые воины среди египтян). (3) Инар же, ливийский царь, зачинщик всего восстания, вследствие измены попал в руки персов и был распят ими на кресте³. Между тем 50 триер, посланных на смену в Египет из Афин и из других областей союза, вошли в Мендесийский рукав⁴ Нила, ничего не подозревая еще о происшедших событиях. Здесь афинские корабли подверглись одновременно нападению персидской пехоты с суши и финикийской эскадры с моря. Большая часть афинских кораблей погибла, и лишь немногие спаслись. Так окончился великий египетский поход афинян и их союзников³.

111. Изгнанный из Фессалии Орест¹, сын фессалийского царя² Эхекратида, убедил афинян вернуть его на родину. Афиняне вместе с беотийцами и фокидянами (бывшими тогда их союзниками) выступили в поход³ на Фарсал в Фессалии. Они захватили небольшую часть вражеской земли, а именно – столько, чтобы при этом не слишком удаляться от своего лагеря (ибо фессалийская конница их постоянно тревожила). Взять же город афиняне не смогли. Вообще поход постигла неудача, и, ничего не добившись, афинянам пришлось возвратиться назад вместе с Орестом⁴. (2) Немного спустя после этого афинская эскадра с 1000 афинян на борту вышла в море³ из Пег (которыми афиняне тогда владели) и под начальством Перикла, сына Ксантиппа, проплыла вдоль побережья к Сикиону. Там афиняне высадились и в схватке с сикионцами одержали победу⁶. (3) Сразу же после этого, получив подкрепление от ахейцев, афиняне переправились в Акарнанию к Эниадам, двинулись на город и осадили его. Взять Эниады, однако, не удалось, и афинянам пришлось возвратиться ни с чем.

112. Спустя 3 года пелопоннесцы заключили с афинянами перемирие на 5 лет. (2) Поэтому афиняне прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр¹ с 200 собственных и союзнических кораблей. (3) Однако 60 из этих кораблей были посланы в Египет по просьбе Амиртея², царя болотистой низменности Нильской дельты. Остальные корабли начали осаду Кития³. (4) После смерти Кимона⁴, когда у афинян кончились запасы продовольствия, им пришлось, однако, отступить. Отплыв затем от Саламина на Кипр, афиняне одновременно вступили в сражение на море и на суше с финикийцами, киликийцами и кипрянами. Тут и там афиняне одержали победу и возвратились домой вместе с кораблями, вернувшимися из Египта. (5) После этого лакедемоняне начали так называемую священную

войну. Они овладели дельфийским святилищем и передали его дельфийцам. После ухода лакедемонян афиняне пришли с войском и, захватив святилище, возвратили его фокидцам⁵.

113. Через некоторое время афиняне с 1000 своих гоплитов и отдельными отрядами союзников под начальством Толмида, сына Толмея, выступили в поход против беотийских изгнанников, захвативших Орхомен, Херонею и некоторые другие места Беотии. Овладев Херонеей¹ и продав в рабство жителей города, афиняне оставили там гарнизон и ушли. (2) Однако на обратном пути у Коронеи² на них напали беотийские изгнанники из Орхомена вместе с локрами и евбейскими изгнанниками и другими их единомышленниками³. В битве афиняне потерпели поражение, причем бóльшая часть их была перебита⁴ или взята в плен. (3) Из-за этой неудачи афинянам пришлось оставить всю Беотию⁵. По условиям перемирия они выговорили себе лишь возвращение пленников. (4) Беотийские же изгнанники, равно как и все остальные, возвратились на родину и вновь получили независимость⁶.

114. Немного спустя после этого отпала от афинян Евбея¹. Афинское войско во главе с Периклом уже переправилось на Евбею, когда пришли известия о восстании в Мегарах, о предполагаемом вторжении пелопоннесцев в Аттику и об избиении мегарцами всего афинского гарнизона, из которого лишь немногим удалось спастись в Нисею: мегарцы отпали от афинян, призвав на помощь коринфян, сикионцев и эпидаврян. Тогда Перикл поспешно вывел свое войско с Евбеи². (2) После этого пелопоннесцы под предводительством лакедемонского царя Плистоанакта, сына Павсания, вторглись в Аттику, дойдя до Элевсина и Фрии³, и опустошили страну; однако дальше не пошли и возвратились домой⁴. (3) Тогда афиняне под начальством Перикла вновь переправились на Евбею и покорили весь остров⁵. По договору с жителями они установили во всех городах угодное им государственное устройство⁶. Только гестиейцев они изгнали из их области и сами завладели ею⁷.

115. Вскоре после ухода с Евбеи афиняне заключили с лакедемонянами¹ и их союзниками 30-летний мир, причем отдали свои пелопоннесские владения: Писею, Пеги, Трезен и Ахаию². (2) 6 лет спустя вспыхнула война Самоса с Милетом из-за Приены³. Когда милетяне стали терпеть поражения, то обратились к афинянам с жалобами на самосцев. Однако и на Самосе нашлись люди, желавшие политических перемен. (3) Поэтому афиняне отплыли на Самос⁴ с 40 кораблями, установили там демократию и потребовали выдачи в качестве заложников 50 мальчиков и столько же взрослых мужчин и затем отправили их на Лемнос⁵. Оставив на Самосе гарнизон, афиняне отплыли назад. (4) Между тем некоторые самосцы, не ожидая высадки афинян, бежали на материк в Сарды и там договорились с влиятельными лицами из местной аристократии и с Писсуфном⁶, сыном Гистаспа, который был тогда сатрапом Сард, совершить внезапное нападение на Самос. С отрядом человек в 700 заговорщики ночью переправились на остров. (5) Прежде всего они напали на главарей демократического правительства, большинство которых им удалось захватить. Затем похитили своих заложников с Лемноса, открыто объявили независимость и выдали захваченный ими афинский гарнизон и начальников⁷, поставленных Периклом, Писсуфну. После этого заговорщики тотчас же стали готовиться к походу на Милет. Одновременно с ними восстали также и византийцы⁸.

116. Узнав о событиях на Самосе, афиняне отплыли туда на 60 кораблях. 16 из этих кораблей, впрочем, афиняне не могли использовать, так как часть их пришлось послать в Карию для разведки и наблюдения за финикийской эскадрой¹, а другую на Хиос и Лесбос, чтобы призвать на помощь союзников. С остальными 44 кораблями под командой Перикла и девяти других военачальников² афиняне у острова Трагия³ вступили в бой с 70 самос-

скими кораблями, 20 из которых были транспортными (вся самосская эскадра шла как раз из Милета). Победу одержали афиняне. (2) Затем, пополнив свои силы 40 кораблями из Афин и 25 – с Хиоса и Лесбоса, афиняне высадились на Самосе, одержали победу на суше и осадили город, заперев его тремя стенами с суши и одновременно блокировав с моря. (3) В это время Перикл получил известие о приближении финикийской эскадры⁴ и немедленно вышел в море с 60 кораблями из числа стоявших на якоре у Самоса, держа курс на Кавн и Карию. Действительно, и от Самоса навстречу финикийской эскадре незаметно вышли 5 кораблей под командой Стесагора⁵ и других военачальников.

117. Между тем самосцы внезапно напали¹ на своих кораблях на незащищенную стоянку афинской эскадры, потопили сторожевые суда и одержали победу над вышедшими навстречу афинскими кораблями. Таким образом, самосцы вновь обрели на 14 дней господство в своих внутренних водах и могли теперь привозить и вывозить все, что хотели. (2) По возвращении Перикла они снова были блокированы афинской эскадрой. Позднее афиняне получили из Афин дополнительные подкрепления – 40 кораблей под командой Фукидида², Гагнона³ и Формиона и 20 – под командой Тлеполема и Антикла, и кроме того, еще 30 хиосских и лесбосских судов. (3) Самосцы еще раз завязали незначительное морское сражение, но уже не смогли долго держаться и на девятом месяце осады сдались афинянам⁴. По соглашению о сдаче им пришлось срыть свои стены, выдать заложников и корабли, а также принять на себя военные расходы с выплатой в определенные сроки. Сдались также и византийцы⁵, обязавшиеся, как и раньше, оставаться подданными афинян.

118. Через несколько лет произошли упомянутые выше раздоры на Керкире и в Потидее¹, а также и остальные события, послужившие непосредственным поводом к этой войне². (2) Все эти военные действия эллинов друг против друга и против Варвара падают приблизительно на 50-летие, прошедшее со времени ухода Ксеркса из Эллады до начала этой войны. За эти годы афиняне не только укрепили внешнее положение своей державы, но и сам город достиг великой мощи³. Лакедемоняне же хотя и замечали рост афинского могущества, но почти никогда не чинили афинянам помех; большую часть этого периода они сохраняли спокойствие, во-первых, потому что без особой необходимости вообще не начинали войн⁴, а кроме того, и потому, что были отвлечены своей внутренней войной. Когда же наконец Афины достигли явного преобладания и стали даже нападать на союзников лакедемонян, те сочли подобное положение недопустимым³. Они решили теперь со всем усердием взяться за дело и по возможности сокрушить могущественного врага силой оружия. (3) Сами лакедемоняне уже признали, что мир нарушен по вине афинян, но все же отправили посольство в Дельфы спросить бога: разумно ли им начинать войну или нет. А бог, как говорят⁶, изрек в ответ: если они будут вести войну всеми силами, то победят, а сам он – званый или незваный – будет на их стороне.

119. Тогда лакедемоняне созвали союзников, чтобы голосованием решить, следует ли объявлять войну¹. По прибытии союзных послов собралось совещание, причем каждый город высказывал свое мнение. Большинство жаловалось на афинян, требуя объявления войны. Коринфяне же и раньше, боясь, как бы не потерять Потидею, старались уговорить отдельные города голосовать за войну и на собрании, выступив последними, произнесли такую речь.

120. «Теперь, союзники, мы уже не можем обвинять лакедемонян, поскольку они и сами решились воевать, и нас собрали сюда для голосования относительно войны. Ведь вождям союза подобает заниматься не только собственными делами, но предусматривать равным образом и общие интересы, раз им и в других областях предоставлены почетные преимущества перед всеми союзниками. (2) И те из нас, кто уже имел дело с афинянами, не нуждаются в наставлениях, что с ними нужно быть настороже. Но те, кто живет в глубине страны¹, далеко от

моря, должны знать, что вывоз их собственных продуктов, а также ввоз товаров морем на материк будет значительно затруднен, если они теперь же не защитят приморские города. Поэтому они не должны выносить неправильное решение по обсуждаемому вопросу, воображая, будто он вовсе их не касается. Если они покинут приморские города на произвол судьбы, то, без сомнения, опасность дойдет когда-нибудь и до них, так что и теперь речь идет также и об их интересах. (3) Поэтому пусть они, не колеблясь, выбирают войну, а не мир. Люди рассудительные, пока их не тревожат, сохраняют мир. Но доблестные люди, когда их права нарушены, меняют мир на войну, и только достигнув удовлетворения, возвращаются к миру. Они не возносятся военными успехами, но и не дадут себя в обиду ради любви к миру и покою². (4) Ведь и тот, кто избегает войны ради утех мира, скорее всего, лишится радости покоя, и тот, кто слишком возгордился военными успехами, не сознает, как легко можно просчитаться, поддавшись безрассудной отваге. (5) Иногда, правда, и необдуманные планы удаются, так как враги оказываются еще более безрассудными, но чаще даже и хорошо рассчитанные начинания все же кончаются печально. Никто ведь не бывает равно предусмотрительным, задумывая план и приводя его в исполнение. В рассуждениях мы тверды, а в действиях уступаем страху.

121. Сейчас мы поднимаемся на войну, так как терпим обиды и у нас есть причины жаловаться. И когда мы разочтемся с афинянами, настанет пора отложить оружие. (2) Многое делает вероятной нашу победу. Прежде всего, на нашей стороне превосходство в численности и в военном опыте, и мы все как один готовы выступить под единым началом. (3) Флот же (в чем у них преимущество) мы построим частью на средства отдельных союзных городов, а частью на храмовые средства Дельфов и Олимпии. Получив займы, мы сможем переманить к себе наемных матросов противника, подкупив их более высокой платой. Ведь у афинян в войске служит больше наемников, чем своих граждан. Наше же войско – не подвержено этому, его сила не в деньгах, а в людях. (4) По всей вероятности, после первой же нашей победы на море афиняне сразу сдадутся. Если же все-таки они будут стойко сопротивляться, то мы со временем, все больше совершенствуясь в морском деле, сравняемся с ними в этом искусстве и, конечно, благодаря нашему мужеству превзойдем их. Ведь наша доблесть – врожденная, и они ей не научатся, а их высокое военное искусство мы сможем усвоить упражнением. (5) Средства, необходимые для этой войны, мы соберем. Можно ли допустить, что афинские союзники не откажутся платить подати, служащие только к их окончательному порабощению, а мы не захотим понести затраты, чтобы покарать врагов и спасти нашу жизнь, и позволим афинянам отнять наши деньги на нашу гибель?

122. Есть у нас и другие пути и средства вести войну. Мы можем склонить к восстанию афинских союзников и этим лишит афинян прежде всего доходов – главного источника могущества – или возвести укрепления на их земле¹. Найдется и еще много других средств и способов, которые в частности заранее нельзя предвидеть. Ведь очень редко войну ведут по заранее определенному плану, но чаще всего сама война выбирает пути и средства в зависимости от обстоятельств. Поэтому тот, кто спокойно оценивает обстановку, вернее добьется успеха на войне, тот же, кто утрачивает хладнокровие, несомненно столкнется с поражениями. (2) Допустим, что дело у нас шло бы только о пограничной войне какого-нибудь союзного города с равным противником – это еще можно было бы стерпеть. Но афиняне не уступают в силе всему нашему союзу и тем более превосходят каждый наш город в отдельности. Поэтому если весь наш союз, каждая народность и каждый отдельный город единодушно не окажут им противодействия, то они без особого труда одолеют нас порознь. Знайте же: поражение (как ни горестно такое предположение) привело бы нас к подлинному рабству. (3) А об этом Пелопоннесу стыдно даже помыслить; стольким городам потерпеть такое унижение от одного города². Если мы допустим это, о нас подумают, что мы либо наказаны справедливо, либо терпим рабство из трусости. Мы окажемся недостойными своих отцов – освободителей Эллады, если не

обеспечим свободу самим себе и позволим одному городу стать единодержавным властелином Эллады, между тем как в отдельных городах требуем низвержения тиранов. (4) Не видим возможности рассматривать подобное поведение иначе, как проявление трех величайших пороков, свойственных человеку, – глупости, слабости и нерадения. Надеемся, что вы, избегнув этих пороков, не впали и в порок самолюбования, которое погубило уже столь многих, что заслуживало бы быть переименованным в самоубивание.

123. К чему, однако, распространяться о прошлом долее, чем это полезно для настоящего? Не оставляя текущих дел, вы должны трудиться еще и для будущего (ведь добывать доблесть “тягостным потом” вам завещали отцы). Такого правила вам следует держаться и дальше, даже если теперь вы стали немного богаче и могущественнее и можете позволить себе больше, чем ваши отцы. Было бы несправедливо приобретенное в бедности потерять теперь, когда вы в достатке. Смело начинайте войну, на что вас побуждает многое. Бог изрек вам оракул и обещал свое заступничество. Вся остальная Эллада либо из страха, либо из выгоды будет на вашей стороне. (2) Вы даже не нарушите первыми мирного договора (ведь и бог также считает его уже нарушенным, повелевая вам воевать). Напротив, вы выступите за мир, после того как другая сторона его нарушила. Ведь не тот нарушитель мира, кто защищается, а тот, кто нападает первым.

124. Итак, у вас во всех отношениях наилучшие возможности для войны, и так как мы все единодушно¹ требуем вынести решение о войне (поскольку оно совершенно очевидно в интересах как городов, так и частных граждан), то не медлите больше, помогите потидейцам и добейтесь свободы для остальных городов. Потидейцы – доряне, и теперь они осаждены ионянами (тогда как прежде всегда бывало наоборот)². Недопустимо дольше терпеть, когда одни города уже сегодня подвергаются насилию, а других (как только станет известно, что мы, собравшись здесь, не нашли мужества взяться за оружие для защиты) не замедлит постигнуть та же участь. (2) Поэтому поймите, союзники, что вы дошли до крайности, и при таком положении мы даем вам наилучший совет: голосуйте за войну, не давайте запугать себя предстоящими трудностями, но стремитесь к более длительному миру после войны. (3) Ведь прежде всего, объявив войну, вы скорее добьетесь прочного мира, а из любви к миру отказываться от войны небезопасно. Нет сомнения, что этот город, ставший тираном Эллады, одинаково угрожает всем: одни города уже в его власти, а над другими он замышляет установить свое господство. Поэтому давайте немедленно выступим против него и поставим его на место, чтобы впредь не только самим жить в безопасности, но и освободить поработанных ныне эллинов». Так говорили коринфяне.

125. Выслушав мнение всех союзников, лакедемоняне провели голосование среди всех присутствующих по порядку, не делая различия между большими и малыми городами. И большинство городов подало голос за войну¹. (2) Сразу же выполнять это решение было невозможно ввиду недостаточной подготовленности к войне пелопоннесских союзников. Поэтому постановили, чтобы каждый город сделал необходимые приготовления, и притом немедленно. Тем не менее подготовка к войне заняла много времени (хотя и не целый год)², прежде чем дело дошло до вторжения в Аттику и открытого начала военных действий.

126. Тем временем лакедемоняне вновь отправили посольство в Афины с жалобами, чтобы иметь более веский повод¹ к войне, если не получат от них удовлетворительного ответа. (2) Прежде всего лакедемоняне потребовали через послов очистить город от осквернения², причиненного храму Богини. Это осквернение состояло в следующем. (3) Жил в старину³ в Афинах некто Килон, олимпийский победитель⁴, человек влиятельный и знатного рода. Он взял себе в жены дочь мегарца Феагена, в то время тирана Мегар. (4) Этому-то Килону, вопросившему оракул в Дельфах, бог изрек прорицание: на величайшем празднике Зевса Килон

должен овладеть афинским акрополем. (5) Во время Игр в пелопоннесской Олимпии Килон с отрядом вооруженных людей, присланных Феагеном, и своими приверженцами захватил акрополь, намереваясь стать тираном. Он полагал, что это и есть тот «величайший праздник Зевса», о котором изрек ему оракул, и что он как победитель в Олимпии имеет особое основание толковать оракул именно так. (6) Подразумевалось ли в вещании «величайшее празднество» в Аттике или где-либо в другом месте, об этом Килон не подумал, а оракул не разъяснил. (Ведь в Аттике также есть празднество – Диасии⁵

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.